

Павел Голушко

УХОДЯ ЗА ГОРИЗОНТ

Стихи , проза

Минск
Издатель Печенко А.Г.
2010

УДК [821.161.1(476)+821.161.3](082)

ББК 84(4Беи=Рус)

Г 62

Голушко, П. М.

Г 62 Уходя за горизонт : стихи, проза / Павел Голушко.
— Минск : Печенко А.Г., 2010. — 131 с.: ил.

ISBN 978-985-6952-71-8.

«Уходя за горизонт» – очередная проба пера Павла Голушко. Прежде всего читатель откроет для себя время перемен, когда целые поколения пережили трагедию разрушения созданного и создание непонятого. Об этом пишет автор и в своей поэзии.

УДК [821.161.1(476)+821.161.3](082)

ББК 84(4Беи=Рус)

ISBN 978-985-6952-71-8

© Голушко П.М., 2009

© Монич А.В., иллюстрирование,
2009

© Оформление. Издатель Печенко
А.Г., 2009

Joseph

МОЙ СТЕКЛЯННЫЙ ДОМ

Слова Павла Голушки

Музыка Елены Храбровой

Умеренно

The musical score consists of ten staves of music for voice and piano. The key signature is G major (one sharp). The time signature varies between common time (indicated by '8') and 12/8. The vocal line includes lyrics in Russian, with some words underlined. The piano accompaniment provides harmonic support with chords indicated above the staff.

1. За - шло за о - бла - ка на се - ром не - бе со - лнце, при-

ме - ри - ла ду - ша ву - аль пе - ча - ли. Пу - скай сту - чи - тся

ночь в мо - ё о - ко - нце, а я хо - чу, чтоб мы с ве - сной не ра - злу - ча - лись!

PРИПЕВ:

Я так хо - чу, чтоб дом - без стен, и то - лько ок - на,

и чтоб ве - че - рний со - лица луч пля - сал по стё - клам,

и чтоб в мо - ём сте - кля - нном до - ме све - та бы - ло мно-

- го, и что - бы до - брый го - лос мне ше - птал:

"С то - бой на - до - лго, с то - бой на - до - лго..."

1. Зашло за облака на сером небе солнце,
Примерила душа вуаль печали.
Пускай стучится ночь в моё оконце,
А я хочу, чтоб мы с весной не разлучались!

Припев:

Я так хочу, чтоб дом – без стен, и только окна,
И чтоб вечерний солнца луч плясал по стёклам,
И чтоб в моём стеклянном доме света было много,
И чтобы добрый голос мне шептал:
«С тобой надолго, с тобой надолго...»

2. Ты дни свои листвой опавшею сжигаешь.
Зачем ты с рыжей осенюю обвенчан?
Ты в жизни путь свой сам определяешь.
Как детская игра, любовь – недолговечна.

Припев.

3. Срываю маски на ходу, даря улыбки,
Так хочется назад не оглянуться
На глупые, обидные ошибки.
Прости, Господь, и всем скажи, как не споткнуться.

Припев.

ОТ АВТОРА

Вот я и встретил очередную весну. Встретил двумя новыми книгами, ещё раз убедившись, как непредсказуема жизнь человека, ступившего однажды на стезю творчества. Удалось-таки поселиться в домах своих друзей, на книжных полках.

Я дарю Вам в своих стихах иллюзии, принесённые ветром, рассказываю о разлуках, которые мне нашептали капли дождя.

Иногда бывает любопытно перечитывать старые газеты и журналы. Иногда бывает интересно на дне рождения у незнакомого человека. Когда-нибудь приходит время выбросить надоевшие старые вещи. Это чувства напоминают маленького мальчика с серьёзными глазами в обнимку с будущим, бегущим по берегу моря...

Я хочу, чтобы подобные чувства Вы испытали через много лет, взяв в руки мою книгу.

Ваш не вчераиний П.М.

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

Ноябрь, декабрь, февраль и март – это стремительный путь Павла Голушко в нелёгком писательском труде. Три сборника и альманах, поэзия разнообразной формы и содержания. Что ещё преподнесёт нам автор в ближайшем будущем? Уже сегодня просматривается определённая гражданская позиция, особенно в повестях «Обстоятельства» и «Киовет». Речь идёт о поколении самого страшного времени – времени перемен. По-разному оно отразилось на судьбах тех людей, чей характер определялся в тот период. Обстоятельства главного героя закончились кюветом. Читатель сам определит для себя, что бы он хотел увидеть в окончании повести как следствие непростого отрезка в жизни молодого человека и его поколения.

КЮВЕГ

повесть

ФОРС-МАЖОР...

Жизнь никогда не баловала Илью. С того самого детства, когда он ещё себя помнил, он постоянно попадал в какие-либо истории. Если катался на санках с горы по заледенелой улице, то обязательно все товарищи съезжали, а на его пути почему-то вырастала легковая машина. Санки летели в одну сторону, а он в другую. А водитель бежал вслед за ним. Если он катался на лыжах, то все приезжали на двух, а он на одной, потому что вторую умудрялся всадить в сосну. Если катался на коньках, то почему-то конёк попадал в какую-то щель и потом приходилось отлёживаться две недели дома.

Эти мысли пришли Илье в голову, когда самолёт взял курс на Москву, и он подумал: «Хорошо, что сейчас не зима, потому что летом приключений поменьше». Правда, добавлялась совсем иная ипостась, ибо как только начиналась капель, почему-то на Илью обращали внимание девушки.

А в это время Борис начал налаживать отношения с двумя красавицами, сидящими впереди, угощая их белорусскими конфетами и предлагая откусывать коньяку. Девушки были не против и поэтому довольно быстро Борис исчез, а на его месте появилась симпатичная брюнетка, которая тут же представилась:

— Анжела.

Илья немного затормозил. Всё произошло так внезапно, что было ощущение сна, поэтому пришлось ущипнуть себя, но брюнетка не исчезла и вопросительно смотрела на него.

— Пардон. Я Илья. Какими судьбами в Москву?

— Дядя подружки пригласил на юбилей. Её предки заболели. Она прихватила меня.

У Ильи началось раздвоение личности. Тем более что в это время по кругу пошёл один единственный раскладной стакан, без которого Борис никуда не отправлялся. Илья поразился, потому что подружка, сидящая рядом с Борисом, выпила коньяк одним глотком, почти как лимонад. И вместо конфеты засела лимонной долькой, ибо Борис в такой же степени никуда не отправлялся, не имея хотя бы два-три лимона.

Было совершенно не понятно, откуда у него взялись конфеты, так как он их просто не терпел. И тут Илья вспомнил, что эту коробку ему всадила мать, когда он убегал утром из дома по звонку Бориса. Причём конфеты надо было передать родственникам в Москве. Но коробка уже была открыта, и девушки активно на неё набросились, так как их взору представился грильяж, трюфели, а также конфеты с ликёром.

Однако коньяк подействовал. Илья решил, что как-нибудь выкрутится, прикупив что-нибудь в Москве в «Шереметьево». В результате полёт промелькнул незаметно и они дружной захмелевшей компанией сползли с трапа самолёта. Причём девушек приходилось поддерживать.

«Радости» начались несколько позднее. У обеих красавиц оказались неподъемные чемоданы. Илья поинтересовался:

– Не золото ли вы везёте?

– Вообще-то не золото, но нечто похожее.

Когда Илья с Борисом вытащили чемоданы на площадку перед зданием аэропорта, к девушкам подскочили двое сомнительного вида молодых человека. Но перед этим Анжела и её подруга Анастасия предупредили ребят, что их будут встречать, чтобы переместить груз в нужное место. А затем они

будут свободны. Они предложили Борису приехать на подмосковную дачу, адрес которой предусмотрительно был написан на коробке конфет.

Между встречающими и прилетевшими начались жаркие объятия и поцелуи. Борис и Илья почувствовали себя лишними и потихонечку испарились. Начало приключений было положено.

Встал вопрос: куда двигаться дальше? Борис слегка заплетающимся языком заметил:

– Видишь ли, Илья, встреча назначена на завтра на десять утра. Мы свободны, так как сегодня должны созвониться со всеми предполагаемыми участниками и договориться, чтобы они все вместе прибыли на эту встречу одновременно. К тому же Москва сейчас – голодный край. Не получится ли так, что твои родственники отнюдь не обрадуются нашему появлению?

– Думаю, что нет. Единственно, в это время может никого не оказаться дома. При любых обстоятельствах в крайнем случае нам достаточно будет переночевать одну ночь. Завтра мы самоопределимся с нашими компаньонами, и я думаю, что нам будет где провести время.

– Хорошо. Сам господь бог велел нам отправляться к девицам на дачу. Тем более Анастасия очень даже ничего... Чувствуется, что проблем особых не будет. А как тебе Анжела?

– Боря, у меня есть Лена.

– Да ладно... Смотри сам...

Ехали долго, так как надо было выбраться на Горьковское шоссе и потом рейсовым автобусом ещё проехать примерно пятнадцать километров. Дачи относились к тем строениям, которые появились лет двадцать тому назад, когда ещё действовали различ-

ные запреты. Но их дачка была ухоженная, со старым разлапистым садом и аккуратными грядками.

Не успели они открыть калитку, как две подружки в купальниках выскочили им навстречу. Стол накрыли быстро. Как говорят, всё было. Трудно сказать, о чём думала Анжела, хотя можно было представить. Борис через каждые полчаса уходил с Анастасией в дальнюю комнату, а Илья проводил время в интеллектуальной беседе. В конечном счёте пришло время расставания. И если Илья просто протянул Анжеле руку и кивнул Анастасии, то Борис расставался трогательно. Правда, однажды перепутав, он стал обнимать и целовать Анжелу. Так что всем прочим «радостям» Илье пришлось периодически тащить Бориса на себе. То ли секс забрал много сил, то ли спиртное сделало своё дело, но когда они вышли к электричке (а этот вариант им посоветовали девушки), то Борис был никакой. Хорошо, что электричка была полупустая. Илье удалось открыть одно окно в вагоне, и до Москвы он продержал физиономию друга под хорошим потоком воздуха.

Добираться пришлось долго, так как они по ошибке забрали в новый микрорайон. Так что вначале пришлось выбираться из него на автобусе, затем на следующем и только тогда они вырвались к линии метро.

Многоэтажку нашли довольно быстро, потому что Илья хорошо помнил свой первый приезд, когда они ехали в Ярославль и заскочили на несколько часов к родственникам. Двери открыла тётя Реня и как-то растерянно посмотрела на двух явно подвыпивших молодых людей. Затем у неё появилось осмысленное выражение лица, переходящее в радостное. В это время из соседней комнаты донёсся мужской голос:

– И кого это нам прислал господь бог?

– Это Ильюша с товарищем!

Из зала выкатился небольшой шар с маленькой приплюснутой головкой, пухлыми ручками и слегка кривыми ногами. Казалось, что дядя Лёва только что слез с лошади. У «шарика» на лице отразилась радость. Ну, во-первых, потому, что он знал, что двоюродная сестра всегда присыпает ему любимые конфеты. Илья понял эту радость и с ужасом вспомнил о том, он забыл в «Шереметьево» восполнить утрату. Пришлось сорвать:

– Дядя Лёва, мы весь день провели у знакомых и там я оставил свой портфель. Так что завтра мы будем в том районе, я заберу пакет, который прислали Вам мамаша.

Так что до «вторых» просто не дошло.

А потом тётя Реня и дядя Лёва о чём-то посовещались между собой. Единственное, что услышал Илья, это слова дяди Лёвы:

– Иди к Рольбейну и скажи, что приехали родственники из Минска. Тогда он всё даст.

Тётя Реня ушла, а дядя Лёва пригласил ребят в зал. По пути он заскочил на кухню и вытащил из холодильника три бутылки пива. Илья краем глаза заметил, что холодильник пустой. Правда, нашлась одна вобла.

Как говорят, слегка поправили здоровье. В процессе принятия пива дядя Лёва в некоторых подробностях рассказал о происходящем в Москве. Собственно говоря, он отметил, что такое уже один раз было, когда смешали Хрущёва с его многочисленных постов. Именно тогда в Москве устроили самую настоящую голодуху. В магазинах исчезло сначала мясо, а потом постепенно всё остальное. Те люди, которые устраивали государственный переворот,

явно сделали всё для того, чтобы возмущённый народ не стал защищать уходящую власть. Правда, народ сразу всё принял за чистую монету, и только потом, когда «дело» было сделано, стала вырисовываться картина заговора. Оказалось, что всё свободное железнодорожное пространство было забито составами с рефрижераторами, полными замороженных туш, но разгрузка не производилась. А когда не хватало места, то эти составы из Калининграда, Белоруссии, Украины и Прибалтики транзитом уходили на Дальний восток, чтобы потом вернуться обратно. Власть сменилась и практически сразу Москва опять расцвела.

Но на этот раз всё было посложнее. Сокращалось производство, людей увольняли. Было много разговоров, но дело почему-то не двигалось. В разных частях города почти ежедневно возникали митинги, длиющиеся по несколько часов. Люди спорили до хрипоты. Иногда возникали драки, которые тут же пресекала милиция.

– Так что жизнь изменилась, – добавил дядя Лёва. – Иногда выручают старые связи, в большей степени родственные.

А родственников у дяди Лёвы было более чем достаточно.

Вернулась тётя Реня и через некоторое время стол заполнился закусками. Появилась бутылка коньяку из старых запасов, но всё это было очень скромно по старым меркам. Илья успокоил дядю Лёву тем, что завтра у них встреча и вероятнее всего ночным поездом они отправятся домой в Минск.

После застолья решили выспаться, чтобы встать пораньше и на светлую голову решить все проблемы. Дядя Лёва обычно выкатывался из дома в семь утра и где-то в восемь уходила тётя Реня. Так что в

течение часа Борис смог связаться со своими знакомыми и договориться о встрече. Решили встретиться в «Праге». Когда добирались к метро, Борис раскрыл «карты». Оказалось, роли были заранее расписаны. Илья должен был создать соответствующее настроение: тосты, анекдоты, весёлые истории. И кроме этого он должен был запоминать и учиться у Бориса, как поступать в конкретных ситуациях.

Предполагалось, что первая встреча будет декларативной, как протокол намерений. И только на следующее утро в этом же ресторане надо было подписать договора.

Народу собралось немного: не более десяти человек. Здесь были как знакомые, так и не знакомые лица. Ресторан был полупустой во всех смыслах этого слова. Но один из присутствующих сходил к директору, и тут же вокруг них забегали. Сразу появилось всё.

Илья был потрясён. Он даже как-то не узнал Бориса. Это был совсем другой человек: невероятная хватка, хорошо поставленный логический язык – всё это привлекло внимание присутствующих, среди которых было две дамы. В процессе переговоров периодически разливали напитки и тогда начиналась работа Ильи. Пример Бориса заставил его сбраться и он превзошёл сам себя. Было такое ощущение, что он находится на сцене. Дамы были в восторге. Даже один из представителей то ли в шутку, то ли всерьёз заявил:

– Слушай, Илья, а я взял бы тебя в свою команду. Мне позарез нужен такой человек, как ты. Подумай, всё-таки Москва.

– Я подумаю, – ответил Илья и добавил из Онегина, – «но я другому отдана и буду век ему верна».

Посмеялись. Однако Борис нахмурился. К этому времени общая картинка прояснилась. Были высказаны предварительные мнения. И все они были позитивными. Поэтому посидели ещё пару часиков. Дамы пригласили кавалеров, причём обе соревновались, забивая на танец Илью. Более того, каждая из них пыталась назначить в этот вечер Илье randevu. Но Илья очень корректно попросил перенести это на следующий приезд. В его представлении эти дамы были тигрицами и попасть в одну из клеток никак не входило в его планы. Тем более что шеф убедительно попросил Илью ни в коем случае не оставлять Бориса одного и постоянно за ним присматривать. Как оказалось, эта была третья задача Ильи.

Пока Илья демонстрировал своё умение танцевать, Борис решил вопрос с гостиницей. От ресторана до неё было рукой подать.

И наконец они распрощались и вышли на свежий воздух. Моросил летний дождь. Стоя под козырьком, друзья обменялись любезностями. Первым, естественно, заговорил Борис:

– Ну, Илья, я слышал, что ты хороший трепач, тем более что знал тебя раньше. Но ты превзошёл все мои ожидания. Считай, что девяносто процентов нашего успеха – это твоя работа. Так что завтра мы стартуем в Минск.

Илья возразил:

– Понимаешь, Боря, когда ты начал говорить, я тебя просто не узнал и чуть было не раскрыл рот от удивления.

– А чего удивляться? Покрутишься в этом бизнесе и не такое увидишь. Учи, скоро сам будешь решать все вопросы, потому что шеф скорее всего будет держать меня около себя по известным при-

чинам. Небось, дал тебе задание быть моей тенью?..
Колись, Илья.

— Да, было дело...

— Вообще, если бы не ты, то я бы нашёл способ, как оставить тебя в гостинице, но можешь не сомневаться, на этот раз я дело не сорву. Мне хватило Анастасии. Тем более что и в следующий приезд есть шанс с ней встретиться. Так что давай заглянем в одно местечко, где у меня есть связь. Во-первых, закупим что-нибудь твоему дяде. Мало ли когда-нибудь придётся обратиться. Во-вторых, надо подумать и о себе.

«Одно местечко» оказалось небольшим магазинчиком, где заведующая встретила Бориса как родного человеком. Дама была достаточно привлекательная. После того, как Борис представил Илью как своего двоюродного брата, она облапила Бориса и слилась с ним в страстном поцелуе. Борис соврал, что они заскочили в Москву проездом на один день и на лице Раисы появилось разочарование. Однако она позвонила и тут же на столе появилось всё необходимое. Борис прошептал ей что-то на ухо и через полчаса, когда они осилили бутылку коньяка, молоденькая девчушка в фирменном халатике принесла два пакета: один увесистый, второй поскромнее.

Илья расчувствовался и на прощание поцеловал Раисе руку. Та удивилась. Борис вручил Илье свёртки и слегка подтолкнул его к двери, скромно заметив:

— Я сейчас.

За спиной Ильи защёлкнулся замок. Ничего не оставалось, как пройти в магазин. Эффект был разителен: почти везде было пусто. Он вспомнил услышанный в этот день анекдот одного из москвичей: «Наши магазины такие сексуальные, как нигде в мире, — все полки — голые».

Борис выполз примерно через час, уставший, но удовлетворённый. Полчаса потратили на вселение в гостиницу, затем заскочили к дяде Лёве. Содержимое пакета предварительно переместилось в пакет Бори с изображением минских достопримечательностей для большей правдоподобности. Самое удивительное заключалось в том, что Борина подруга из каких-то своих старых запасов достала огромную коробку конфет фабрики «Коммунарка». Кроме этого были ещё кое-какие деликатесы, которых даже в Минске было невозможно найти.

Ребята извинились и распрощались с дядей Лёвой прямо в прихожей, мотивируя тем, что могут опоздать на поезд.

Вечер прошёл в гостиничном номере. Борис задал Илье вопрос, который состоял из нескольких предложений:

– Во-первых, я могу пригласить Анастасию и Анжелу. Во-вторых, я могу пригласить Анастасию. В-третьих, я могу никого не приглашать. Что выбираешь?

– Ну… выбора у меня нет. По крайней мере мы с тобой давно не встречались и нам есть что обсудить.

– Хорошо, – сказал Борис, – отдохнём от баб… Но если следующий раз мы поедем вдвоём, то готовься жить в отдельном номере, ибо я к твоей жизни не привыкну никогда.

На том и порешили.

Через двадцать минут содержимое пакета было выложено на стол. Здесь был балычок, икорка, готовые бутерброды, виноград, не говоря уже о пятизвездочном коньяке. Илья с удивлением смотрел на это богатство, сопоставляя с реальной жизнью. Было как-то странно. Он понимал, что в Минске не лучше –

везде очереди, в это время его родители и Лена не могут позволить себе то, что стоит перед ними. Однако Борис разлил коньяк по рюмкам.

— Выпьем за начало, а потом выкладывай, о чём ты хотел меня спросить.

Выпили, прикусили. Собственно говоря, у Ильи был один единственный вопрос:

— Понимаешь, Боря, я надеюсь на твою откровенность, поэтому поделить со мной, как ты себе представляешь нашу жизнь. Ведь мы с тобой уже не мальчики. Как ты думаешь, сколько продлится эта ситуация вокруг нас и к чему мы можем придти?

— Вопрос, конечно, задан, — вздохнул Борис, — и я тебе отвечу как на духу хотя бы потому, что за время учёбы ты никогда меня не предал и был единственным человеком, которому я мог излить душу, понимая, что об этом никто не узнает. Мне всегда с тобой было хорошо. А когда нас время разлучило, я тебя часто вспоминал и при первой же возможносди бросился тебя искать. Так вот, ситуация эта долго не продлится. В неё начнут вписываться достаточно серьёзные люди, тогда нам с тобой там делать будет нечего. Но если мы всё будем прогуливать и пропивать, то окажемся под забором. Я понимаю, какими глазами ты смотришь на меня, но учти: то, что мы получили сегодня, — это подарок Раисы. Я просто умею жить. Да, я могу спустить часть денег, если хорошо упьюсь. Но в Минске у меня есть счёт. Кроме этого баксы я отдаю матери и они мне пригодятся на чёрный день. У меня есть родственники за границей. Сейчас я навожу мосты и в случае чего смогу перебежать туда, куда захочу. Но пока мне и здесь хорошо. Тебе будет несколько сложнее, ибо ты не совсем понимаешь роль женщин в сегодняшнем мире. Но рано или поздно тебе придётся идти по

моему пути. И то, что ты сегодня отказал обеим красавицам, ты очень мудро поступил, потому что благодаря этому у нас завтра будут подписаны все договора. Так что это единственный случай, когда твоя скромность торжествует. Ну как, я удовлетворил тебя?

— Да... удовлетворил, — задумчиво произнёс Илья.

— Только вот что, завтра после ресторана надо опять заскочить в известное тебе местечко. Там нам подготовят по пакету. И пока я час буду заниматься своим интимом, ты уж полюбезничай с той девчушкой. Эта младшая сестрица Раисы — её зам — и она положила не тебя глаз. С тебя не убудет, если ты хоть немножко оставишь ей надежды на будущее.

Слово за слово... Опустошилась одна бутылка, затем вторая... Языки начали заплетаться... И Борис как руководитель вовремя сказал, что пора и честь знать.

Постель была очень удобная и сон глубоким.

Следующее утро началось тревожно и даже как-то более волнительно, чем предыдущие дни. Илья сам не знал, что так сильно подействовало на его душу, на весь организм до самой последней жилки. Наверное, этот позавчерашний взгляд Елены, вдогонку, его как-то зацепил. Почувствовав озноб, Илья быстренько подошёл к барному столику и налил рюмку коньяку. Выпил. Гостиничный номер засверкал другими красками.

Он выпил машинально, утоляя жажду, но не жажду организма, нет, жажду души. К слову сказать, в последнее время Илья очень пристрастился к алкоголю, состояние «под шафе» особенно нравилось ему, наверное, так было не сложно жить, так забывались все потрясения, и то, что перестройка зашла

в тупик, и что в магазинах было всего мало. Наконец наш герой достиг полной кондиции.

«Вот хорошо, – подумал он, – теперь можно собираться и идти будить Бориса».

Илья оделся, открыл портмоне, проверил наличность. Из портмоне выпал билет на самолёт. «Зачем я его сохранил?» – подумал Илья, глядываясь в билет. Билет, обладал какой-то особой силой, притягивал к себе его взгляд. Илье казалось, что этот билет стал началом чего-то нового, светлого, начало новой жизни, где будет много хороших людей, будет справедливость и люди будут рады жизни. Надо отдать должное Илье, не каждый человек в такие ранние лета питает такие серьёзные мысли.

Эту любовь и альтруизм вселила в него бабушка. Уже минуло пять лет, как она покинула этот свет, но в его памяти было живо всё, что с ней связано. Эту ненавязчивую театральность, порывистость, умение чувствовать остро и глубоко вселила она. Через стихотворения, которые читала на скамейках военного кладбища. Песни, которые она тихонько напевала по вечерам перед закатом солнца. И даже через чай с бутербродами, который с такой любовью она готовила каждое утро маленькому внуку.

Мысли о бабушке заставили Илью немного задуматься о разлуке с Леной, о том, что он покинул город детства, город его бабушки.

«Бабушка любит меня и рада там, наверху, – подумал он. – Меня ждёт новый мир, новое счастье, новая жизнь. К чертям медицину, которая калечит людей, к чертям бездарных докторов, водителей, – это всё в прошлом. Ах, Лена, Лена, я вернусь, и мы найдём тебе другую работу и заживём... Ух, как мы заживём, не поверишь...», – сказал он сам себе и был

этому рад. А потом добавил: «Так, хватит сопли глотать. За работу, впереди много дел».

Из ванны выскоцил Борис. И через несколько минут это был совсем другой человек. Он куда-то позвонил и тут же сказал Илье:

– Моментально выскакиваем, ибо мне надо позарез заскочить в по дороге в известное тебе местечко.

– Опять пить?

– Нет. Ты зайдёшь в кафе напротив, выпьешь кофе. Мне хватит полчаса. Пойми, искусство требует жертв. У Раисы огромные связи и не только в театральном мире. Она умеет жить. И пока я рядом с ней, наши дела будут тип-топ.

«Да... – подумал Илья, – это личное дело Бориса».

Пока Борис использовал свои тридцать минут (по сути, он вложился в двадцать восемь), Илья потягивал неплохой кофе и думал о происходящем.

Дело в том, что особенностью того времени был информационный вакуум относительно музыкальной культуры, в котором жила практически вся Беларусь. Малое распространение зарубежных и отечественных музыкальных новостей, любых музыкальных проигрывателей у широких слоёв населения делало своё чёрное дело. Информация доставалась по крупицам, новости практически не доходили до основной массы слушателя. Если кассетные магнитофоны были уже не редким явлением, то о видеомагнитофонах говорить не приходилось, их были единицы. И они, скорее, являлись уделом меломанов, количество коих было большим, но финансово бедным, конечно, и на общем фоне всех остальных граждан не таким и значимым.

Коммерческое или государственное FM-радио, которое ставило бы в своих эфирах песни каких-нибудь зарубежных, да и отечественных коллективов,

медленно, но верно входило в эфир через силу идеологических особенностей. Как раз в это время из Москвы начала выходить в эфир программа «Новые Романтики» на УКВ-1.

«Так мы и жили, – размышлял Илья. – Последние годы перестройки принесли первые свежие ветры перемен, которые начали наполнять атмосферой наш информационный вакуум (музыкальный, в первую очередь), в котором мы существовали до сих пор. Начали издаваться первые музыкальные газеты (пусть и с ужасной полиграфией), молодёжные журналы (с приличным качеством, «Крыніца», например). Зазвучала из Осло первая FM-радиостанция – незабвенный «Рокс». Мы начали что-то узнавать, что-то читать, что-то слушать! Информационная блокада была прорвана! Начиналось время наполнения постсоветского пространства информацией! Не обошли эти процессы и Беларусь».

Илья понимал, что Семён Исаакович, их шеф, вовремя вскочил в незанятую нишу. И какое-то время они будут чувствовать себя как рыбы в воде. Именно поэтому Илья пришёл к выводу: «Пока поживём так, а потом время покажет».

КАРУСЕЛЬ

Неожиданно в кафе появился Борис. Илья тут же встал, предварительно рассчитавшись. Борис взял из стаканчика пару салфеток и почему-то пошёл в туалет. Там он попросил, чтобы Илья самым внимательным образом обследовал его физиономию. Илья расхохотался. Вблизи лицо друга представляло удивительную картинку: вдоль и поперёк виднелись следы губной помады Раисы. Вдвоём они кое-как справились. Благо, у Ильи всегда был в запасе чистый носовой платок. После «экзекуции» он спокойно выбросил его в урну.

В ресторан они успели минута в минуту. Количества участников увеличилось примерно в полтора раза, а это означало, что появились новые лица, которые как раз и должны были подписать договора. Речь шла о двух группах, и к каждой из них присовокуплялся солист, выступающий с отдельной программой. А это означало, что надо было организовать в Минске две площадки, потому что вторая группа приезжала в тот день, когда первая давала последний концерт.

Самое главное заключалось в том, что Семён Isaакович был обязан поставить необходимую аппаратуру. И так как фирма выходила на достаточно серьёзную организацию концертов, то требовалась соответствующая аппаратура с лазерной техникой. В Минске такая аппаратура была в единственном экземпляре. Но отступать было некуда. До первого концерта оставалось две недели.

На сей раз застолье было очень коротким. Рюмка за знакомство, вторая – после подписи договоров, и третья – на посошок. Танцы не предвиделись и

Илья этому обрадовался. Уж больно энергичными были обе дамы. Правда, на этот раз они отсутствовали. Их интересы представляли соответствующие импресарио.

Илья размечтался: «Вот сейчас в гостиницу – поезд – и вечером в Минске». Однако рано пташечка запела. Он тут же вспомнил, что его ждёт встреча с юным созданием, которое оказалось отнюдь не юным. Встал вопрос – что делать? С одной стороны, он помнил слова Бориса. С другой стороны, ему всё это было небезразлично. Но оказалось, что есть ещё и третья сторона, ибо в сравнении с Раисой эта девочка, как её окрестил Илья, ему явно понравилась. Он вспомнил народную поговорку: с кем поведёшься, от того и наберёшься. Поэтому он решил не торопить события и «закрыл» мысли на эту тему словами: «Что будет – то будет».

На этот раз роль Ильи свелась к присутствию и не более того. После рукопожатий Борис с Ильёй удалились, а компания несколько задержалась. Когда они уже выходили из ресторана, их догнал один из представителей певицы и сделал предложение. Оно заключалось в том, что вся команда поручила ему через три дня прибыть в Минск и на месте посмотреть те условия, которые были прописаны в договоре. Сразу всё стало ясно. «Трест» мог лопнуть. Эту фразу Илья вспомнил из известного западного произведения.

Борис задумался и тут же предложил Илье залити на телеграф и дать шефу соответствующую телеграмму. Только после этого они могли посетить зло-получное для Ильи mestечко. Там их уже ждал накрытый стол и рядом на кресле лежали дваувесистых пакета. «Плата за секс», – подумал Илья.

Однако коньяк был уже разлит. С перерывом в минуту было выпито три рюмки. Закусывали виноградом. Не успел Илья протянуть руку за бутербродом, как Раиса сказала:

—Мы вроде дошли до кондиции, а сейчас, Анечка, покажи Ильюше своё гнёздышко.

Илья успел вовремя отдернуть руку.

Гнёздышком оказалась небольшая комната, в которой стоял стол, уютный диванчик и музыкальный центр. Первое, что сделала Анечка, это закрыла на ключ дверь, нажала кнопку... полилась обворожительная музыка... Она задёрнула плотную штору и в комнатке стало комфортно. Не успел Илья сообразить, как у Анечки расстегнулся халатик и она повисла у него на шее. Всё произошло одновременно, однако Илья заметил, что под халатиком ничего не было... то есть всё было на своём месте...

Так Илья никогда не целовался. Он тут же потерял голову. Это была его первая женщина, ибо с Леной дальше поцелуев у него дело не зашло. А здесь всё происходило так, как будто он оказался в какой-то сказке. Причём Анечка всё делала таким образом, что Илья постоянно чувствовал, с одной стороны, её стеснение, а с другой стороны, какую-то ненасытность. Поняла ли она, что собой представляет Илья, трудно сказать. Но сделано всё было безукоризненно.

Это настолько потрясло Илью, что когда досчитал до пяти, был счастлив как ребёнок, которому подарили самую лучшую игрушку. И в то же время это счастье привело его в состояние, когда ему казалось, что он от бессилия не сможет даже встать. Но Анечке этого было мало. Молодое здоровое тело требовало своего. По крайней мере с Ильёй она почувствовала себя в тысячу раз лучше, чем с тем негром, которого однажды привела её сестра, не гово-

ря уже о достаточно скромном грузине, который много обещал и ничего не сделал. Анечка училась на третьем курсе экономического университета и у неё были некоторые проблемы со сдачей экзаменов. Так что Раиса представила своего визави как одного из преподавателей этого университета. Анечке не хотелось вспоминать, и в этом ей очень здорово помог Ильюша.

Но в это время в дверь раздался тихий стук. А это означало, что случилось что-то непредвиденное. Аня подошла к двери и Илья в сумраке рассматривал её точёное тело. Такое он видел только на картинах в Третьяковке и в дворце графа Шереметьева.

Из-за двери что-то сказали, после чего Анечка почти подбежала к дивану, схватила свой халатик и прошептала Илье:

– Ты должен срочно уйти.

– А Борис?

– Он тебя ждёт у выхода из магазина.

«Ничего себе», – подумал Илья.

– Неужели пожар?

– Нет, – сказала Аня, – гораздо хуже. И через минуту будет уже поздно.

Илья как пуля вылетел из кабинета. Если бы он служил в армии, то был бы лучшим солдатом по способности одеться утром на построение. Правда, когда он натягивал штаны, Анечка надевала ему рубашку.

Как потом оказалось, Раису и Бориса спасли именно два пакета. Когда Илья вышел из магазина, то прямо у подъезда стояло два «Мерседеса» и около них прогуливались лица кавказской национальности. Каждый из них выглядел как внушительный шкаф. Стало ясно, что к Раисе нагрянули непредви-

денные клиенты, и отнюдь не за выпивкой и закуской. Объяснение Бориса было простое:

– Понимаешь, Ильюша, я знаю, кто это. Гогия – могущественный человек. С помощью Раисы он нам ещё раз окажет протекцию. А пока благодари бога, что мы унесли ноги. И хорошо то, что Гогия позвонил за несколько минут до прибытия.

Однако когда Раиса побежала предупреждать Аню и Борис выходил из кабинета, он почти столкнулся с Гогия. Тот подозрительно на него посмотрел. Тут же подскочила Раиса и сверхлюбезным тоном объяснила Гогия, что Борис нужный клиент, которому она подготовила заказ. Гогия устроило это объяснение.

Таким образом, все приключения закончились и друзья успевали на дневной поезд.

Когда добирались до гостиницы, Борис выскользнул:

– Илья, конечно же, Анечке ещё нет двадцати и я бы с удовольствием поменялся с тобой. Но приходится терпеть. Так что тебе повезло. Я однажды так замечтался, что Раису назвал Анечкой и тут же склонился пощёчину. А потом стоял на коленях и поклялся, что никогда не посмотрю в сторону её сестры. Одно не понимаю, она сама скромность или такая же, как Рая?

Дело в том, что Илья был оскорблён в своих лучших чувствах, так как Анечка была для него первой женщиной, то он почти уверенно полагал, что он первый у неё мужчина и она также в него влюблена. Но последующие события развеяли его светлые мысли. Поэтому он спросил у Бориса:

– Боря, давай обозначим счёт.

Боря с понял с полуслова:

– У меня три.

— А у меня пять.

У Бори от удивления отвисла челюсть:

— Ну и ну, — заметил он. — Да ладно, молодым везде у нас дорога. Только вот на почёте далеко не уедешь.

То ли Бориса задело это сообщение, то ли ему было о чём подумать, но в дальнейшем они хранили молчание. Каждый думал о своём.

Илья появился дома около часа ночи. Все уже спали. У него был выбор: принять душ и лечь спать или лечь спасть сразу. Пока он размышлял, он уснул сидя и потом незаметно для себя принял лежачее положение. Сон был тяжёлый. Всё, что промелькнуло за три дня в Москве, накатилось какими-то чудовищами. Почему-то среди них периодически появлялась Лена, и Илья спасал её, а потом оказывалось, что это совсем не Лена, а какая-то брюнетка. Потом неожиданно брюнетка превращалась в блондинку и опять в Лену. И, наконец, измученный после очередного ужаса, он вскочил, принял душ, в холодильнике нашёл полбутылки водки, залпом выпил фужер, занюхал корочкой хлеба и ушёл в глубокий спокойный сон.

Было такое ощущение, что он только что уснул, а в это время его кто-то тряс за плечо. Он свалился на пол. В этот же миг он проснулся, а над ним склонился Борис:

— Значит так, пять минут на сборы, такси внизу. Опаздываем. Нас с тобой ждёт Варшава. Срочное задание шефа.

Илья пробормотал:

— Это какая-то карусель...

Правда, он ещё не знал какая.

За пять минут до отправления они были у своего вагона поезда «Москва – Варшава» и за две минуты до отправления прибежал шеф и вручил им билеты и всё необходимое. Как объяснил в такси Борис, произошло ЧП и им отказали на время гастролей групп в лазерной установке. Шеф срочно договорился в Варшаве и его знакомые согласились продать единственный экземпляр.

На другой день надо было вернуться, так как на третий день приезжал проверяющий из Москвы. Илья пошутил:

– Я и не думал, что устраиваюсь на работу в пожарную команду.

– Нет, Ильюша, ты неправильно понял, – заметил Борис, – мы не пожарные, мы гораздо хуже. Сначала мы сами поджигаем, а потом пытаемся потушить.

Прежде всего решили отоспаться. И если Борис, выпив полбутылки конька, тут же провалился в сон, то Илью спиртное не взяло. Он сходил в ресторан, заказал триста грамм водки. Здесь же прямо на столе был хороший выбор напитков и фруктов. К водочке подали заливное и грибы.

Илья цедил из небольшой рюмки и смотрел за окошко. Вообще-то Беларусь в его глазах была разной. В чём-то невероятно красивая природа, которой могли позавидовать в разных странах, а в чём-то было своеобразное несоответствие, когда он приезжал в сельскую местность и наблюдал местных аборигенов. Рассуждения Ильи были достаточно упрощёнными.

«Если внутренний мир – это способность фантазировать и, как следствие, создавать внутри себя интересный и увлекательный мир, полный неожиданных открытий, чудес и решений, то богатство

мира, в котором мы жили сейчас, определяется большими оттенками серости, – думал Илья. – Как хорошо, что моя сегодняшняя действительность не будет соответствовать завтрашней. Лишь те ценности, которые были заложены в меня изначально, останутся до конца со мной».

Хотя говорят, что деньги портят людей, Илья пытался всё время смотреть на себя со стороны и оставался прежним. По крайней мере ему так казалось. «Будем существовать в унисон со временем», – решил Илья.

Добро начинало отдавать дань моде и уходить на задний план. Оно какое-то глупо-пресное это добро. У него какие-то непонятные принципы, через которые оно не может переступить... Но сейчас в мире правят лёгкие деньги, и всем не до устоев, и даже не до себя. Потом... Всё потом...

Постепенно Илью начало укачивать и он понял, что пришла пора вернуться в своё СВ. Борис мирно похрапывал. И Илья довольно быстро провалился в сон.

Проснулись они одновременно. Состав стоял на границе и предстояло два часа так называемого технического обслуживания. Дальше начиналась европейская колея и кроме этого различные формальности. Борис предложил посетить местную достопримечательность – магазин спецобслуживания, где можно было отовариться, но ограниченно, и по более низким ценам. Жадничать не стали: взяли по бутылке коньяка и хорошего вина, а также по коробке конфет.

Время пролетело незаметно. Илья понял, что Борис находится под впечатлением того самого счёта «5 : 3». Он догадался, что всё-таки у его друга было некое чувство к Аннушке и он говорил Илье одно, а

думал совершенно другое. Потом сам Борис это подтвердил. Получилось, что слова разошлись с делом. Вот это Бориса и мучило.

Однако Илья понял, что их роль достаточно простая и представляет собой две трети известной формулы: товар – деньги – товар. Так уж получилось, что им пришлось самим доводить до конца начатое дело. В Варшаве они промелькнули как метеоры. Такси – контора – расчёт – товар – такси – вокзал – отправление. Вот и получилось, что они в 6.21 утра выехали из Минска и через двадцать два часа вернулись назад.

Решили обрадовать шефа и на такси подъехали к его дому. В его окнах горел свет, а это означало, что их ждали.

Правда, вместо благодарности Семён Исаакович их огоршил:

– Вот что, мужики, у нас проблемы с одной площадкой, – так они условно называли концертный зал, – поэтому вам придётся разделиться. Один займётся рекламой, то есть всей формалистикой, а другой – ноги в руки и в Уручье. И если дело выгорит, то следующий шаг – это автопарк, чтобы организовать за наш счёт бесплатный маршрут по подвозке зрителей от метро до Уручья и после каждого концерта обратно. Для нас это копейки, а зритель будет благодарен.

Решили бросить монетку. Илье досталось Уручье. Шеф предложил им одну из своих комнат, где они могли спать хотя бы пару часов. Пришлось согласиться. И вот тут Илья понял, в какую он попал карусель. В школе он проходил тему, в которой утверждалось, что вечного двигателя нет. Однако он пришёл к выводу, что это не так. К сожалению, то, чем он занимался, напоминало вечный двигатель.

Всё настолько закрутилось, что Илья перестал различать недели и даже месяца.

Алгоритм был достаточно простой. Шеф Борису Москву больше не доверял, потому что он как-то отправил его одного и через неделю, когда всё «горело», получил телеграмму: «Сижу без копейки, долги, срочно высыпайте телеграфом. Подробности при встрече». Вместо телеграфа пришлось ехать Илье.

Вообще-то деньги у Бориса были. Просто ему не повезло. Он встретился с Гогия, опять же около кабинета Раисы, но на этот раз без пакетов. Расправа была короткой и жестокой. Борису нужны были деньги на вставные зубы, так как челюсть ему вставили на второй день, а в остальном всё было хорошо, если не считать сломанных рёбер.

Некоторые потери были у Раисы, но её спасла Анечка, которая своим скромным видом утихомирила разгорячённых помощников Гогия. Раиса отдалась синяком под глазом, но как властолюбивая женщина, она приняла решение, что дальше ей с Гогия не по пути, ибо на всякий лом есть другой лом. Но от этого Борису было не легче.

Илья достаточно быстро решил все проблемы и успел убедиться в том, что напротив скромного магазинчика Раисы уже притормозили более крутые лимузины. Одновременно с ними подъехал Гогия на своём «Мерседесе» и униженно просил у Раисы прощения. Сцена была, конечно, интересная, но Борис дал слово, что по этому адресу он больше ногой не ступит, ведь когда паны дерутся, у парубков чубы трещат.

Так что для Семёна Исааковича были некоторые оправдания. Всё-таки Борис пострадал за контору. А теперь Илье надо было налаживать новые связи. А это было непросто.

Но всё катилось по наклонной плоскости, и Илья начал наблюдать, как звёзды шоу-бизнеса готовы продать всё и продаться сами за вполне конкретную власть, за вполне конкретные деньги. Это постперестроечное СНГовское «всё на продажу» страшно возмущало. Не то возмущало что кумиры продаются, за тем они и идут в шоу-бизнес, в политику, чтобы лечь под того, под кого надо, чтобы не продешевить, упаси Боже! Нет, возмущает отношение интеллигенции к этому процессу. Отношение такое: «какая жалость, что это не я публично отдался, а ведь я мог бы не хуже...» Илья не мог представить себе какого-либо известного западного журналиста продающего себя, свою репутацию за какую-то конкретную должность, за подачку.

Это всё так мелко и гнусно, что всерьёз об этом говорить невозможно. Но это окружало и засасывало...

Иногда Илья задумывался: если бы он знал заранее, чем это всё закончится, пошёл бы он? И сам себе отвечал: да, пошёл. Самое смешное заключалось в том, что приближался Новый год, а он ни разу не побывал дома. После первой поездки в Москву он через случайных знакомых передал родителям пакет. А потом он с помощью шефа периодически подбрасывал матери довольно крупные суммы денег. И каждый раз он рассчитывал, что всё-таки вырвется и попадёт домой. Но опять что-то случалось и надо было сломя голову куда-то нестись, что-то решать, кого-то подменять. И в результате он опять не попадал домой.

Многое, конечно, менялось. Рост счёта в банке. Он почти потерял счёт женщинам. Но всё равно помнил Анечку. Менялись группы, солисты. Он уже забыл, когда встречался с Борисом и даже не мог

себе представить, что скажет Лене, когда наконец-то встретится с ней.

Однажды повезло через не повезло. Борису с шефом надо было съездить с Бобруйск на похороны родственника, и у Ильи образовался свободный день. У него снова был выбор: встретиться с Леной или отоспаться. Пока он размышлял, он опять уснул. Но, проспав подряд двенадцать часов, он встал как огурчик, привёл себя в порядок и пошёл к Лене. Благо, это было воскресенье.

Уехал Илья летним утром, а появился, когда мела метель. Улица была пустынна. Правда, в окне комнаты, где жила Лена, горел свет, но за занавеской ничего не проглядывалось. Мать сказала Илье при его появлении, что вначале Лена позванивала, а потом перестала. Да он и сам не понимал, что всётаки произошло, ибо каждый раз ему хотелось появиться как раньше. Он не звонил, так как мечтал преподнести сюрприз. И вот преподнёс...

Когда он подходил к подъезду, то опомнился, что идёт с пустыми руками. Пришлось пробежать до ближайшей остановки такси и через час у него в руках был огромный букет роз, шампанское, самый большой торт под названием «Свадебный» и самая большая коробка конфет. Кроме того, он купил любимую игрушку Лены – маленького симпатичного медвежонка.

Звонок в квартиру не работал, а может, никто не слышал, так как из-за двери раздавалась музыка. Илья зашёл в прихожую и тут же услышал из комнаты Лены громкий мужской голос. Какая-то странная обида захлестнула сознание Ильи. Он, совершенно не думая, что делает, аккуратно сложил все гостинцы на диванчик и тихонько вышел на лестничную площадку. В общем-то, он не чувствовал обиды.

Наверное, всё так и должно было быть. Тем более что у него не было никаких оправданий, да и оправдываться он не привык.

По крайней мере он подумал о том, что может хотя бы вечер посидеть с родителями рассказать им кое-что о своей весёлой жизни. Но не успел он зайти в дом, как навстречу ему вышел Борис... и карусель опять закрутилась... Такси у подъезда, поездка в Москву и организация новогодних выступлений.

БОГАТЫЕ ТОЖЕ ПЛАТЯТ...

Не успели отъехать от дома, как Илья неожиданно выругался и дал команду водителю остановиться. Борис удивился:

- Ты что?! Каждая минута дорога!
- Боря, мне надо вернуться.
- Ты с ума сошёл?! Что случилось?
- Что случилось, то случилось... Ладно, поехали...

Илья откинулся на спинку сидения и ушёл в себя. Он понял, что с ним происходит что-то невероятное. Когда он зашёл в прихожую Лены, то сразу почувствовал, что этот голос он уже слышал. Но взыграло мужское самолюбие. И чувства превалировали над рассудком. А ведь это был её двоюродный брат, который приехал с Дальнего востока в отпуск. И на вешалке Илья краем глаза заметил офицерскую шинель. Вот так по своей глупости он наказал сам себя.

Переосмыслив содеянное, он как бы вернулся к делам.

- Борис, почему такая спешка?

– Сейчас такая спешка будет постоянно. Ты вообще не будешь вылезать из Москвы. Дело в том, что у нас появились многочисленные конкуренты. Сам понимаешь, группы окрепли и будут играть на повышение. Цены поднимаются на всё. Поэтому надо заключать долгосрочные договора, создавать определённые преимущества. Другого выхода у нас нет. Накосим «бабла» и вовремя смоемся. По крайней мере займём другую нишу, где расходы меньше, а прибыль та же. Сегодня денежных людей в несколько раз больше, чем тогда, когда мы с тобой начинали.

Такси подъехало к зданию вокзала. Ребята выскочили. Их встретил Семён Исаакович, вручил би-

леты и всё необходимое. И опять они почти на ходу прыгали в свой вагон.

Москва поразила Илью. Везде царил хаос. Город зарос мусором и грязью. Идти было невозможно, так как после оттепели тротуар представлял собой сплошные ледяные ямки. В одном месте Борис остановился как вкопанный. С тыльной стороны Белорусского вокзала около стены валялся труп, и люди спокойно проходили мимо, не замечая. Судя по тому, как его замело снегом, лежал он давно. Мимо проковылял патруль милиции. Один из них поскользнулся и упал и при этом грязно выругался. И это несмотря на то, что рядом проходила женщина с ребёнком.

Москва менялась на глазах. Илья понял, что будет очень трудно. Более того, если раньше они могли себе позволить день отдыха и подготовки к решению вопроса, то на этот раз они отправились с корабля на бал. То есть встреча была назначена из Минска.

Разговор был достаточно жёсткий. Москвичи не хотели уступать. Их сдерживало одно: лучшая в Минске аппаратура. Но было ясно, что конкуренты быстро смекнут и закупят по крайней мере аналогичную. И тогда станет трудно. И всё-таки все договора были подписаны на условиях Бориса. Москвичи настояли на увеличении количества концертов, так как они убедились, что для Минска не проблема продать все билеты. Причём фирма, с которой они сотрудничали, выплачивала деньги наличными минута в минуту по окончании концерта.

И опять всё закончилось достаточно скромно. По существу, выпили на посошок и разбежались. Но оказалось, что на этот раз это не всё. Борис предложил Илье постоять в вестибюле, пока не прошли

мимо последние участники встречи, и затем попросил вернуться в ресторан. Илья расценил это по-своему, так как проголодался. Но Борис почему-то не стал ничего заказывать и сказал, что через десять минут придут главные действующие лица. Для Ильи это было приятной неожиданностью.

К ним подсели молодой человек. После его представления у Ильи захватило дух. Речь шла об одной из ведущих групп с участием его любимой певицы. Все вопросы были решены в течение десяти минут. Илья хотел подозвать официанта, но Борис сказал:

– Не спеши.

Через пять минут к ним подсели очередной импресарио. И это была ещё одна приятная неожиданность для Ильи. И только когда они расстались с этим человеком, подписав договора, Борис сухо сказал:

– А сейчас перекусим, но напиваться не будем.

Илья никак не мог понять, что произошло с Борисом. Только потом, уже на обратном пути, Борис открыл «карты». Дело в том, что шеф поставил Борису ультиматум в виде условий, при выполнении которых ему светила шикарная машина. Семён Isaакович взял под своё крыло ещё один бизнес: перегон подержанных машин из Чехии, Германии, Нидерландов, Бельгии. Более того, решался вопрос об открытии в Германии мастерской по разборке аварийных машин и транспортировке в Минск деталей для продажи в специальном магазине. Борис по секрету сказал Илье, что после удачной поездки шеф собирается и ему подарить машину.

– Так что придётся нам всё-таки пить меньше, если мы хотим успешно решать свои вопросы и иметь свободное время.

Илья задумался. Машина была мечтой его детства. Но сначала это было невозможно как следствие

отсутствия денег, а когда деньги посыпались как из рога изобилия, это стало невозможно по причине отсутствия времени. А тут такое совпадение.

В это время Илья бросил взгляд на противоположную сторону улицы и невольно остановился. Это было то самое местечко. Борис также отреагировал:

– Тянет зайти?

– А почему бы и нет...

– Понимаешь, Илья, с меня хватило выбитой челюсти, двух зубов и двух рёбер. А у тебя ещё всё это целое, поэтому если хочешь зайти, время ещё есть. Но не более тридцати минут.

– Да нет, тридцать минут мне многовато. Я просто так.

– Хорошо.

Илья дошёл до перехода и через пару минут он входил в магазин. На первый взгляд ничего не изменилось: всё те же полупустые полки, всё те же продавщицы, которые смотрят мимо покупателя. Илья занял удобное место для наблюдения около кондитерского отдела. Через пять минут из подсобки выпорхнула Анечка. Илья слегка прикрылся газетой. Если бы не её фирменный халатик, то он, пожалуй, её не узнал бы. А ведь прошло менее полутора. Чувствовалось, что разгульная жизнь не пощадила столь юное, на первый взгляд, и скромное создание. Анечка исчезла в направлении кабинета Раисы.

Илья направился к выходу и увидел, как подкатили два шикарных лимузина. Он улыбнулся: «А ведь мог бы и влететь. Так что воспоминания воспоминаниями, а реальности реальностями».

Борис не ожидал столь скорого возвращения, поэтому Илье пришлось помочь другу расправиться с кофе. Когда они вышли на улицу, Борис тоже

заметил те машины, которые стояли на стоянке напротив магазина. Друзья понимающие улыбнулись друг другу.

И опять прямо с вокзала они отправились к шефу. Результатами поездки Семён Исаакович был доволен. Более того, он сказал:

— Завтра Руслан со своей командой отправляется в Германию. Как раз есть два свободных места. Вы поедете вместе с ним и подберёте себе для перегона машины. Вам они обойдутся в копейки. Перегон — за счёт фирмы. Вернётесь, отработаете очередные концерты, затем я подумаю о вашем отдыхе и о вашей перспективе. А вообще-то лучше я сразу открою карты. Безусловно, вам надо отдохнуть. Мои друзья презентовали мне две путёвки в Карпаты на две недели. Но супруга забастовала, так что будете отдыхать вы. Прогуляетесь, подышите горным воздухом, покатаетесь вволю. Главное, чтобы вернулись живые и здоровые. И сразу же за работу. Возможно, будут какие-то изменения. Именно поэтому я хочу, чтобы вы передохнули. Ко всему прочему всё, что вы заработали за месяц, получите сегодня у бухгалтера. А пока сегодня до обеда подведите итоги своей работы за последние два месяца. Посмотрите, что можно сделать в ближайшее время и по домам. Не забывайте, что через несколько дней после вашего приезда Новый год. Я жду вас с вашими пассиями у себя. Новый год будем отмечать семьёй. Сами понимаете, семья — это наша фирма.

И опять Илью одолели сомнения. Что же делать? Время как бы есть. Идти к Лене или не идти? Придти только для того, чтобы объявить о поездках в Германию и в Карпаты, как-то не логично. Получается, хвастовство. После недолгих размышлений он решил отложить этот вопрос до приезда домой.

А там он наконец встретился с родителями. Мать всплеснула руками:

– Илья, на кого ты стал похож?!

– Как на кого? На бизнесмена!

– Нет, Илья, ты очень здорово изменился. У тебя даже взгляд стал каким-то другим.

– Ну что поделать, мама, если у меня жизнь стала другая.

– Кстати, после твоего скоропалительного отъезда звонила Лена и очень просила, чтобы ты появился.

Пути были отрезаны. На скорую руку Илья собрался, заказал такси, опять обхехал полгорода и опять во всеоружии стоял перед дверью знакомой квартиры. Звонок уже работал. Дверь открыл отец Лены. Илью он сразу не узнал, поэтому как-то растерялся, увидев перед собой представительного молодого человека с букетом роз и прочими интересными атрибутами. Оказалось, что Лена на работе во второй смене. Более того, по словам отца, Лена предупредила, что у них какая-то сложная операция и просила не звонить ей и не беспокоить.

Илья опять сложил на диванчик всё, что принёс, извинился и отправился домой. Мысли переполняли голову. Это было и хорошо, и плохо.

Дома состоялся нелицеприятный разговор. Отец поставил вопрос ребром:

– Что, Илья, для тебя сегодня важней? Какова цель твоей жизни? Ведь когда-то ты говорил, что хочешь приносить людям пользу. Неужели ты считаешь, что так называемые концерты, от которых балдеет молодёжь, – это польза? Ведь вбивается клин между поколениями. Угасает та культура, которая выкристаллизовалась столетиями. Уже здесь что-то не то. Деньги у тебя большие, но лёгкие. Они при-

ходят и уходят. Но наступит время, когда надо будет зарабатывать, а ты от этого отвыкнешь. Наверное, в этом будет твоя трагедия. Тебе самому решать, что делать. Но я хотел бы услышать твоё мнение.

Илья не сразу начал отвечать. Отец просто «вбил гвозди». Он во многом был прав. Но с другой стороны, то, что произошло сегодня с его поколением, – это был результат, достигнутый отцами. Илья это тоже понимал. Не выдержал сумасшедшей гонки так называемой перестройки директор медучилища, которого все уважали. Он просто пошёл в гараж, включил двигатель и уснул навеки. Все были потрясены. А ведь сколько людей ушло за последнее время таким образом? Сколько молодёжи в погоне за деньгами положили свою жизнь отнюдь не на алтарь отечества? На каждом шагу в городе какой-либо лохотрон. Людей обманывают направо и налево. А общество и государство молчат. Всех это почему-то устраивает.

Но всё-таки Илья не стал спорить с отцом. Он сделал прощё:

– Видишь ли, отец, вы строили коммунизм. И ты в этом принимал активное участие. Мы являемся результатом вашего строительства. Как в поговорке: лес рубят – щепки летят. Мы являемся вашими щепками. Так что одновременно вы рубанули дедов и детей. Ваши отцы вам не понравились, потому что они шли в атаку за Родину, за Сталина. И в этом был смысл их жизни. И они очень многое достигли. И всё хорошее, что я вижу в жизни, я получил от них. А у вас был другой лозунг: партия – честь и совесть нашей эпохи. А получилось бесчестие, которое свалилось на нас. Я всё это понимаю и полагаю, что всё это скоро кончится. А что будет, трудно сказать. Но я уверен в одном: мне придётся вернуться туда, от-

куда я вышел. Просто мне надо основательно обо всём подумать. Вот сейчас сгоняю в Германию, посмотрю, как там живут. Затем отдохну в Карпатах. Именно там я, возможно, к чему-то приду. По крайней мере я сегодня подал заявление в горисполком на строительство однокомнатной квартиры. Оказывается, есть сейчас такой способ. Как говорят, за отдельную плату. Из Германии пригоню машину. Куплю самое необходимое. Таким образом, я смогу утвердиться материально. Остальные деньги постараюсь вложить в какое-нибудь прибыльное дело. И пора мне подумать о создании семьи. А это значит только одно: все эти концерты придётся оставить. Так что мне кажется, что я хоть каким-то образом, но ответил на твой вопрос. Прежде чем строить коммунизм в отдельно взятом колхозе, надо построить самого себя. А для этого надо увидеть все «прелести» реальной жизни, чтобы снять «розовые очки». Я принял правила игры, в которую меня втянули, и эти правила соблюдал. Но у меня есть право выйти из этой игры тогда, когда я посчитаю нужным. Ведь это ты, отец, меня учил не предавать своих товарищей. И если даже корабль будет тонуть, я его покину вместе с капитаном.

– Ну что ж, – задумчиво произнёс отец, – может, ты и прав... Только помни: всех денег никогда не заработкаешь. А испытания, конечно, любой мужчина должен пройти.

Мать промолчала, потому что в семье последнее слово всегда было за отцом.

Посидели, выпили, закусили тем, что умело на скорую руку подготовила мать. И Илья решил отоспаться, так как предстояла трудная поездка, а ему хотелось основательно рассмотреть заграницу.

Утром, как всегда, за ним заскочил Борис. Мать вручила Илье внушительную собойку. Да и у Бориса оказалось нечто аналогичное. Спиртным решили отовариться на границе, тем более что у Руслана везде были свои люди. И лишних пару бутылок провести было не проблема. Однако в последнее время Илью к выпивке не тянуло. Да и Борис не усердствовал.

Стартовали в обозначенное время. Впереди была зимняя дорога и время для размышлений.

Одно понял Илья: за всё в этом мире приходится платить.

АПОГЕЙ

Прежде чем двинуться в путь, ребята перезнакомились, потому что команда каждый раз обновлялась. Некоторые ребята предпочитали держать синицу в руках, поэтому, делая пять ездок в месяц, получали свою тысячу баксов, были этим довольны и у них голова не болела. Всё остальное за них делал Руслан. Но были и такие, кто замахивался на большие деньги, уходил из команды и перегонял машину сам, а затем появлялась головная боль по её расстаможке и продаже, не говоря уже о необходимом ремонте. Отдельные, которым в меньшей степени повезло, пытались прийти с повинной, но Руслан их назад не брал. И в этом был смысл, так как остальные, понимая это, не хотели рисковать.

В первую очередь Борис и Илья познакомились с дядей Мишой. Это был опытный водитель автобуса, которому надоело мотаться по городу. Он сдал в аренду Семёну Исааковичу свой бусик вместе с собой. Кроме этого у него был автомобильный прицеп и он автоматически получал тысячу баксов как бы за перегон пяти автомобилей, не говоря уже о том, что из Германии можно было каждый раз привезти достаточно много хороших вещей. По вторникам и четвергам в богатых районах городов, которые они посещали, немцы выставляли на асфальт добродушную мебель, телевизоры, компьютеры, микроволновки, стиральные машины, холодильники, то есть всё то, что было в СССР дефицитом. Особенно когда речь шла о качестве. И русские всё это с удовольствием «подметали», ибо на границе никаких проблем не было.

Так что по мере знакомства Борис и Илья узнавали много интересного и необычного. У большин-

ства водителей в бусике были свои места, так как они дружили между собой и садились своими маленькими командами. Затем запустили Илью и Бориса, и им пришлось довольствоваться двумя местами впереди, а два новичка сели на одиночные места. Руслан сидел рядом с водителем.

Илье казалось, что, как всегда, по русскому обычай все разложат свои собойки, вытащат припасённое спиртное и начнётся весёлая жизнь. Увы, это не произошло. Некоторые разговаривали между собой, а некоторые просто укрылись одеялами и отдыхали. Для них это была обычная работа.

За окошком мелькали деревни, поля, перелески. Иногда Илья находил общий язык с Борисом. Но тот неплохо устроился и довольно быстро задремал. Поэтому у Ильи было два занятия: рассматривать окружающую среду и при этом вслушиваться в разговоры тех, кто сидел поближе.

На границе была значительная очередь (пару километров), но бусик уверенно проехал рядом. Руслан отлучился буквально на пять минут. Вышел пограничник, дал указание и их бусик проследовал дальше. Потом Руслан объяснил, что для него есть определённый тариф, он рассчитывается за месяц и по крайней мере в том направлении как с нашими, так и с поляками нет никаких проблем. А на немецкой границе ещё проще – там и платить не надо.

Это был первый урок, который получил Илья на будущее. Он не мог и предположить, что пройдёт меньше месяца и он будет заниматься этой же работой. Но человек предполагает, а судьба располагает.

В Польше дороги оказались похуже. Но это было только начало. Пришло время обеда. Съехали с трассы, остановились в аккуратном перелеске. Вы-

ходить не стали, потому что польская полиция могла придраться, как объяснил дядя Миша, и навешать штрафов. Выпили по сто грамм, перекусили и отправились дальше. Когда выезжали на основную трассу, подъехала полицейская машина. Потратили десять минут на выяснение, но ничего противозаконного не нашли. Дядя Миша сказал:

– Надоели они. Пока доедешь до места, вечные поборы. В Германии этого нет. А здесь на каждом шагу. Причём они пасут именно наших.

Незаметно Илья задремал и приснился ему удивительный сон. Он подъезжает к своему дому на шикарном чёрном лимузине невероятной длины, в котором есть своя ванна, туалет, спальня и отдельный кабинет. Заглядывает Лена и интересуется, кто это приехал. Не успевает Илья ответить, как вместо Лены вскакивает Анечка. И пошло-поехало. Каждая из девушек выскакивает в противоположную дверь, и вскакивает следующая. Некоторых Илья узнавал, а некоторых видел впервые.

На этом сон прервался. Последнее, что увидел Илья, – отсутствие лимузина и себя, сидящего на табуретке посредине улицы.

Вот так продолжалась поездка. Илья просыпался, затем опять уходил в сон, и опять ему снилась всякая абракадабра.

Уже затемно приехали на место. Это был небольшой городок на границе ГДР и ФРГ. Поселились в небольшой гостинице. Руслан объяснил:

– Здесь есть свой человек, все машины стоят на специальной стоянке, документы оформлены. Завтра вы выбираете себе машины, вписываем фамилии владельцев. Потом некоторые формальности, и вперёд – домой. Пока я буду готовить остальные бумаги, вы с дядей Мишой проскочите по известным ему

местам. Возможно, у вас появится что-то ценное. Советую много барахла не набирать, потому что на обратном пути мы будем проезжать один небольшой город, где всегда мы отоваривались. Что касается питания, то лучше всего мы это сделаем при выезде из Варшавы. Там есть большой магазин, где и цены пониже, и товаров побольше.

Разбежались по комнатам, выложили на стол собойки, выпили по сто грамм, посмотрели местное телевидение. Боря когда-то изучал немецкий язык, но у него ничего не получилось. У Руслана получилось получше. Вообще-то передачи оказались достаточно примитивными. Некоторые программы смотреть было невозможно из-за обилия порнографии. Поэтому улеглись спать.

Утром дядя Миша свозил их в тот район города, где жили более богатые немцы. Дяде Мише повезло: он загрузил неплохую кухню с встроенным холодильником и стиральной машиной. Борис и Илья разделили между собой стиральную машину и микроволновку. Информация, полученная ранее, подтвердилась. Но дядя Миша сказал, что когда они будут ехать обратно, там будет более перспективный современный городок. И немцы иногда выставляют интересные вещи прямо на трассе. Хотя в ФРГ этого барахла гораздо больше.

Вернулись они, как говорят, к месту. Руслан предложил Илье взять «Опель Кадет», а Борис, как ни странно, выбрал себе единственную «семёрку», правда, почти новую. Оказалось, что СССР продавал по дешёвке свои «Жигули» на экспорт, а затем часть этих машин под разными соусами возвращалась назад. Борис решил гнать машину сам, а машину Ильи загрузили на прицеп дяди Миши.

Ровно в десять утра по московскому времени караван тронулся в обратную дорогу. Впереди ехал дядя Миша на бусике. Завершал колонну Руслан на «Фольксвагене». Все машины были подержанные, поэтому опасаться нападения не приходилось, ибо, как правило, нападали либо на едущих за машинами и забирали деньги, либо на крутые одиночные машины. В этом случае не все возвращались домой.

Обратная дорога запомнилась по-своему, особенно когда пересекли границу с Польшей. Здесь была самая настоящая колея, основательно засыпанная снегом со льдом. К тому же началась метель. Проезжая через ГДР, практически всем повезло. Правда, мебели больше не было, но вполне хватило бытовой техники. Все легковые машины были загружены, даже в бусике дяди Миши тоже осталось маловато места.

Несколько раз останавливали поляки. Переговоры были короткие. Сначала были мелкие приидорки. Потом дядя Миша с Русланом отходили в сторону с поляками, после чего довольные стороны разъезжались. Руслан посмеялся:

– Я многих знаю. Поэтому, чтоб было спокойно, я выплачиваю таксу и получаю выигрыш во времени. Эти расходы за счёт фирмы. А дядя Миша просто свидетель. Бывает, иногда везёт и мы проскачиваем без единственной встречи с поляками. Но на границе они всё равно своё возьмут.

Следующая остановка была за Варшавой. Почти два часа ходили по огромнейшему магазину, где было всё, начиная от колбасных изделий и заканчивая строительными материалами. Да и людей было достаточно много. Надо было отметить, что поляки жили не так уж и плохо, хотя информация была разная. Да и цены в сравнении с белорусскими были

более терпимыми. А самое главное – был выбор: от очень дешёвого, до самого дорогого.

После экскурсии в магазин перекусили, перехнули и отправились дальше. Задача была отработанная: границу проезжать ночью, так как в это время меньше машин, да и не так зверствовали таможенники. Повезло, Руслан хорошо знал ту смену, которая дежурила по расписанию. Поэтому мужики быстренько сбросились по десять баксов, и тут же весь караван оказался на своей территории. Там сбросились по пять баксов, и через полчаса выезжали на трассу.

Всё это показалось Илье достаточно простым. Но дядя Миша объяснил, что на сей раз им просто повезло во всех отношениях и так быстро они ещё никогда не возвращались. К утру колонна въехала в Минск.

Два следующих дня – это был Содом и Гоморра. Масса беготни, связанной с приездом групп. Гостиницы, Уручье, автобусный парк... Илья спал максимум два часа в сутки, потому что кроме беготни была ещё другая работа. Ко всему прочему надо было находить время, чтобы оформить документы на машину и получить права. Единственное, что он успел сделать, это подъехать к дому, разгрузить всю бытовую технику и польские деликатесы, чтобы затем уехать к Семёну Isaаковичу. Даже отец посмотрел на Илью как-то уважительно, ибо он впервые увидел реальные приобретения сына от этой работы.

Две недели превратились в такую нагрузку, после которой Илья хотел только одного: свалиться где-нибудь и спать. Он старался, как мог, пить поменьше, ибо начал чувствовать алкогольную зависимость и утром просто не мог обойтись хотя бы без фужера шампанского.

И наконец последний концерт. Илья понял, что он уже не доедет домой за рулём. Поэтому пришлось вызвать такси и машину оставить на стоянке. Тем более что на следующий день они с Борисом уезжали в Карпаты. У Ильи была надежда, что он сможет всё-таки встретиться с Леной. Но повторение оказалось матерью учения. Когда он явился на другой день, то оказалось, что Лена уехала отдыхать в Прибалтику и через два дня её ждали дома. Поэтому мать посмеялась:

– У вас как в песне: «Дан приказ ему за Запад, ей – в другую сторону». Только, Илья, мы не поняли одного: почему в первый раз ты всё оставил на диванчике, а сам исчез, ведь Лена была дома?

– Понимаете, Марь Петровна, дурака свалял. Пришёл, а из её комнаты доносится мужской голос. И мне показалось, что я лишний. А через пять минут за мной заехал Борис на такси и только тогда я вспомнил этот голос. Но было поздно, вернуться я не смог. Так что привет Лене. Вернусь к Новому году.

И несолено хлебавши Илья вернулся домой. А вечером опять заехал Борис на такси и они отправились привычным маршрутом на железнодорожный вокзал. Боря сразу заявил:

– Никаких ресторанов. Примем на грудь по стакану армянского и спать. Пока не выслюсь, я не встану. А ты как хочешь.

– Боря, всё понятно. Только об одном я хотел спросить. Это смешно, а времени у нас никогда не было. Почему ты взял «семёрку», а не иномарку?

– Видишь ли, я брал машину не себе. Я потом тебе всё объясню. А этот человек на иномарки смотрит косо. Ему подавай только своё. Хотя машина, в общем-то, неплохая попалась.

А дальше было всё просто. Илья попросил проводницу разбудить их только тогда, когда они будут подъезжать к Ужгороду.

Поездка в Карпаты не заладилась с самого начала. По дороге в Мукачёво сломался автобус, и на базу приехали затемно. Но удалось побродить по городу, и в этом был свой плюс. Мукачёво Илье понравился. Красивый невысокий город с мощёными уличками и неординарными скульптурами. Провинциальный европейский центр. Особо поразила церковь в готическом стиле, выкрашенная в розовый цвет, и деревянная скульптура какой-то птицы, о которой никто из местных ничего не знал, а некоторые и не видели...

Посидев в баре и перекусив, Илья с Борисом пошли в свой домик, который находился рядом с административным корпусом и островком развлечений.

Утром Илья отдернул шторы и оторопел: вид из окна представлял собой мельтешящий перед глазами лист бумаги. Снегопад. Вот и отдохнули... Илья разбудил Бориса и, умывшись, они двинулись в кафе «Мисливське» (Охотничье), завтракать. Шёл снег, была низкая облачность, видимость – метров пять, глаза слезились, и было какое-то совсем не прогулочное настроение. В баре их «обрадовали» ещё больше. Снегопад по прогнозам должен был быть затяжным, и о подъёмах на трассу речи не могло быть. Оставалось одно – проводить дни в бане и в уютной комнате домика за распитием всего имеющегося в баре спиртного, что Борис успешно начал делать, но и Илья, посмотрев на приятеля и на вид из окна, присоединился. Так пришлось провести всю неделю к середине, которой Борис больше спал, а

Илья вдруг вспомнил свою юношескую увлечённость поэзией, и что-то писал в своём блокноте.

Периодически он вылезал в снегопад и пытался хоть что-то увидеть. Но улицы были пустынны. Местные службы пытались прочищать дороги, но их хватало только на то, чтобы освобождать трассу. Всё остальное было засыпано снегом, в том числе и легковые машины. Местные жители заявили, что такое бывает крайне редко и всё живое просто отсиживается и отлёживается. Главное было запастись продуктами и время от времени надо было чистить крыши, чтобы чего доброго они не провалились.

За день до отъезда Борис неожиданно разговорился. Изрядно напившись и начав обсуждать тему бизнеса, он внезапно спросил Илью:

– А ты думаешь, Семён Исаакович зря нас сюда на отдых спроводил?

– Поработали, и хватит, бабла накосили, пусть деньги теперь на нас работают.

– Семён сейчас всё в игровой центр вкладывает, по приезде и тебе предложит долю.

– А ты? – спросил Илья

– Я пас, я в этой сериловке не останусь, лихие деньги, как тут пришли так тебя в могилу здесь же и закопают... Не заберёшь с собой. Даже тебя с твоей тачкой закопают... Долго не проблатуешь там, выкопают тачку себе, а тебя в яму обратно, – Борис налил в стаканы, разлив по столу добрую порцию водки. – За успех...

– А ты куда? Обратно в Минск!?

– Ну, ты лох, – хихикнул Борис. – Сча! Из большой помойки в малую... Ха-ха-ха! Я в Канаду сваливаю, пока ещё бабки вывести, возможно...

– А там, что?

— Там, знаешь, всё на мази, там дед мой Хаим, ещё живой... отель у него в... где-то в Торонто. Так я к нему, пока там он не помер, и не разворовали всё. Потом отель продам, и в Ванкувер... — Борис выпил, и глаза его стали закрываться.

— Почему Ванкувер? — спросил Илья

— Там тепло, там пляжи, там русская диаспора... А давай Ильюха со мной, — вдруг встрепенулся Борис. — Знаешь, вместе веселее, да мы же знаем друг друга, замутим там чего...

— Знаешь, Борь, боюсь я... так ничего не боюсь... а вот тоски и грусти боюсь. Опоздавшей любви боюсь — страшно... Все тут, а я там... Понимаешь?

Илья посмотрел на Бориса, но тот уже спал.

«Я беру листки бумаги и пишу никому не нужные стихи, — думал Илья, — долго вымучиваю рифмы, которые поначалу мне кажутся скучными, потом банальными, потом хорошиими, а под конец я всё это ненавижу и хочу попросту выбросить в камин. Зачем я их пишу? Кому и что я хочу доказать? Ну ладно, пишу их для себя. Что, я должен писать их исключительно для себя? А друзья? Значит, нужно писать предельно искренне и откровенно, не стараясь кому-то понравиться, не пытаться соответствовать чьим-то вкусам и мнениям, желаниям и шаблонам, стилям и течениям, — только свои мысли...» Переварив это внутри себя, Илье вдруг стало легче. Он выпил и, взяв ручку, начал писать...

Илья вспомнил поговорку: везёт дуракам и пьяницам. Борис явно был пьяницей. У него было два занятия: сон и выпивка. Значит, Илья был дураком. И он очень хотел понять, в чём же заключается его глупость. Ведь прошло всего полгода. Весной он мог вселиться в свою собственную квартиру, пусть пока

однокомнатную. Хотя денег хватало и на трёхкомнатную. Но для этого надо было как минимум жениться. Правда, в последнее время Илья основательно засомневался. Та лёгкость, с которой он менял женщин, сослужила плохую службу, ибо это были связи на одну ночь. Причём все женщины были постарше его и достаточно опытные. Некоторые называли его – «сынок». Основательно подвыпивший Илья, как правило, не обижался, но обязательно отвечал: «Хорошо, мама».

Трудно сказать, было ли это глупостью, ибо первая женщина, Анечка, всё-таки принесла ему радость. Что касается пьянки, то здесь оказалось проще, так как в последнее время Илья вовремя останавливался, и никто не мог заставить его выпить следующую рюмку. Собственно говоря, некоторая трезвость позволила Илье сократить свои встречи с женщинами. И если выдавалась свободная минутка, то он старался что-то узнать и чему-то научиться.

За этими мыслями его застал будильник, а это означало, что надо было поднимать Бориса, собирать вещи и готовиться к отъезду. Илья по привычке отдёрнул штору и оторопел. На улице царствовало солнце, ясное небо и непонятный гул голосов. Когда они с Борисом с большим трудом приоткрыли входную дверь, то увидели интересную картинку: довольно большое количество людей в спортивных костюмах и лыжных шапочках пробивали проходы в снегу. В отдельных местах снег был по пояс, а в некоторых сугробах можно было спрятаться с головой.

По их улице безуспешно пытался пробиться бульдозер. Он разгонялся, немного отодвигал снег, а затем его огромные колёса просто проскальзывали. Появилась роторная установка, и дело пошло веселей. Она пробила проход сама для себя, а сле-

дом достаточно легко шёл бульдозер. Местные жители расчищали свои машины. Всё выглядело причудливо, особенно дома, с которых так и не счистили снег.

Место сбора отдыхающих было недалеко, и Илья с Борисом успели вовремя. На их глазах подошёл автобус. Вся группа была не довольна. И только наши герои чувствовали себя спокойно и уверенно.

Вся дорога напоминала тоннель. Не хватало только крыши. Однако добрались до Ужгорода без приключений, пробежались по местным магазинчикам, накупили сувениров и подарков друзьям и родственникам к Новому году. Илья купил Лене колечко и довольно скромные серьги. Это было как раз то, что ей всегда нравилось. Как ни странно, но обратная дорога была как две капли похожа на предыдущую – из Минска в Ужгород. Опять бутылка, но на этот раз молдавского коньяка, и глубокий сон до самого Минска. И только подъезжая к столице, Илья почувствовал, что, действительно, он пришёл в себя после этого необычного марафона.

Оставалось понять, что ждёт его в недалёком будущем, ибо разговоры с Борисом по большому счёту не внесли ясность в реальную картину. Впереди была встреча Нового года, и многое зависело от шефа. Илья даже почувствовал себя как-то неуютно, потому что раньше он был всегда уверен, что всё зависит от него самого.

ТРЕСТ ЛОПНУЛ. ДА ЗДРАВСТВУЕТ ТРЕСТ!

Илья с некоторых пор стал замечать, что, несмотря на этот бешеный ритм, его постоянно окружала какая-то пустота. Мелькали деньги, автомобили, рестораны, женщины, а в памяти практически ничего не оставалось. Он понимал, что так долго продолжаться не может, и даже пытался найти какой-то выход. Но начинался новый день и повторялось одно и то же. И, что хуже всего, невольно стиралось прошлое.

Как-то перед одним из концертов мимо Ильи прошла группа людей. Он услышал, как кто-то произнёс:

– А ведь это наш Илья или очень похожий на него человек.

Лицо говорившего Илье также что-то напоминало, тем более лица тех, кто был вокруг этого человека. Он попытался воспроизвести прошлое... Ему даже показалось, что это ребята из его группы. Но в этот момент его позвали, и он опять закрутился, так и не поняв, с кем встретился.

Был фокус и почище. Надо было познакомиться с приехавшими из Москвы. Илья протянул руку и вдруг с ужасом понял, что не помнит своё имя. Он посмотрел на Бориса, а тот улыбался. Пауза явно затянулась. Из этого состояния его вывел голос Семёна Исааковича:

– Илья, давай быстрей, тебя ждут.

Но его поняли совсем по-другому, ибо перед ним стояла солистка. Она расплылась в улыбке, полагая, что своей красотой поразила этого симпатичного мужчину. А Илья поразился совсем другому. Он понял, что с ним что-то происходит, причём хорошего в этом мало.

Когда человек много пьёт, то иногда говорят, что он может допиться до белой горячки, а когда много работает, получается, что можно доработаться до потери памяти. Или здесь что-то другое... А когда человек ничего не делает, то говорят, что умер от лени. По крайней мере последнее Илье не грозило. Но хотелось всё-таки чего-то нового или хотя бы возврата к прошлому.

Сомнений не было – надо было встретиться с Леной. Единственная возможность предоставлялась через пару дней – это встреча Нового года. Правда, были некоторые сомнения. Во-первых, Илья не представлял, как его встретит Лена. Но это ещё полбеды. Был один щепетильный момент: Лена жила по средствам и в своё время её наряды вполне удовлетворяли Илью. Но когда он повращался в новой для себя среде и увидел, что позволяли себе жёны его товарищей, их любовницы или их девушки, то он понял, что Лена будет выглядеть на их фоне белой вороной. Его это не смущало. Но вот как она себя будет чувствовать... это был совсем другой вопрос...

На этот раз Илья забрал машину со стоянки, проехался по известным адресам. Опять такой же букет, такой же торт, точно такая же коробка конфет, медвежонок и маленькая красивая коробочка, перевязанная ленточкой, а в ней ещё в меньшей коробочке лежали золотые побрякушки, а рядом очень смешные сувениры из Закарпатья. Илье казалось, что Лена будет довольна. Но была у него одна, как ему казалось, хорошая привычка: становиться на место другого человека. Он представил себе, что Лена исчезает, начинает заниматься бизнесом, а он в это время мотается на скорой, жуёт сухую колбасу, запивая лимонадом. Она появляется один раз, когда его нет, и оставляет ему бутылку коньяка с чем-то в

придачу... Дома не ночует, пропадает неизвестно где и как... И при этом ни разу не приглашает Илью на свои концерты.

Такие мысли привели к неожиданному эффекту. Илья резко тормознул... задняя машина чуть не врезалась в него, по крайней мере прозвучал возмущённый сигнал. Илья понял, зная характер Лены, что ему будет несладко. Но отступать было некуда, да и незачем. Илья даже не стал заходить домой. Тем более что ему показалось, что за окном Лены мелькнула какая-то тень. Он был прав. Она была дома, причём одна.

Сцена была, как из гоголевского «Ревизора». Илья стоял по одну сторону открытой двери, Лена – по другую. Что выражало её лицо, трудно было сказать. Но Илья вспомнил крылатое выражение: вы не ждали, а мы припёрлись. И он сказал:

– Извините, пожалуйста, я случайно не ошибся адресом?

Лена среагировала мгновенно:

– Адресом не ошиблись, но долго вспоминали.

– Позвольте представиться. Илья.

– Ну что ж, проходите, Илья, диванчик к Вашим услугам.

– Ну уж так прямо и диванчик. Это так получалось по необходимости. А сейчас позвольте по поводу и по случаю вручить Вам, во-первых...

И он протянул ей цветы. Лена взяла букет. Торт и коробку конфет Илья положил всё-таки на диванчик, а коробочку преподнёс. Лена предложила ему пройти в комнату, а сама пошла на кухню и вернулась с вазой для цветов. Первое, что заметил Илья в комнате, это три его букета в углу на тумбочке. Первые розы высохли, но смотрелись. Вторые почти высохли... здесь было похуже. А последние только

увядали. Лена поняла, куда смотрит Илья, улыбнулась и поставила рядом четвёртый букет. Для пятого места уже не было. И всё-таки любопытство заставило её открыть коробочку и посмотреть содержимое. Ей явно понравилось.

А потом наступила пауза. Илья понимал, что это может плохо кончиться, поэтому он взял инициативу на себя.

— Оправдываться не буду. И причин для этого более чем достаточно. Да и тебе не нужны мои оправдания. Тридцать первого декабря мой шеф приглашает весь состав с жёнами, мужьями и так далее... Это не только празднование Нового года, но и будет стоять вопрос о будущем и мне необходимо принимать решение, буду ли я участвовать или же откажусь и начну всё с чистого листа. То, чем я занимался и занимаюсь, мне нравится и не нравится. Заниматься организацией интересно, несмотря на то, что иногда на это уходят сутки. А вот сопутствующее меня не устраивает. Привыкать не хотелось бы. Хотя зарплата соответствует всему затраченному. Я построил однокомнатную квартиру, купил машину, помог родителям. Но всему есть предел. Именно поэтому я хотел бы, чтобы ты сама убедилась, что это такое, а потом хочу услышать твоё мнение.

Всё, что сказал Илья, для Лены было неожиданным. Собственно, и раньше они решали вопросы спокойно, никогда у них не было упрёков. Так по крайней мере Лену учila мать. И именно её отношение позволяло ей жить в мире и дружбе с отцом. Шутить – шутили, смеялись, но никогда не упрекали. Поэтому Лена произнесла:

— Ну что ж... праздновать, так праздновать. И где всё это действие будет происходить?

– Предположительно в «Журавинке». Там есть отдельный небольшой зал.

– И сколько будет народу?

– А вот это трудно сказать, потому что я не знаю, что произошло за то время, пока мы отсутствовали. Шеф обещал, что преподнесёт нам сюрприз.

– А чем, собственно, занимается ваша контора кроме организации концертов?

– То, что я знаю точно, так это перегонкой подержанных машин из Западной Европы. И ещё, насколько я наслышан, у шефа есть какие-то торговые точки и далеко идущие планы. Я так понимаю, что концерты будут постепенно сворачиваться. Появилось множество конкурентов... Так что отсюда надо делать выводы.

– Ты домой заходил?

– Нет, я сразу к тебе.

– Ну тогда давай пообедаем вместе. Иди мой руки.

Впервые за последние полгода Илья ел нормальную домашнюю пищу. Когда он неожиданно сваливался к себе домой, то соображали на скорую руку. Лена заметила:

– Мне через полчаса надо выходить на работу.

– Я тебя подвезу.

– Хорошо. На машине всё-таки быстрей. Так что у нас есть дополнительно полчаса времени. Я тебе не предлагаю наше домашнее вино по известной причине.

– Безусловно. Я уже насмотрелся на аварии, и мне бы очень не хотелось иметь неприятности из-за спиртного.

– Как у тебя завтра со временем?

– Эти два дня придётся покрутиться. Но зато тридцать первого я с утра свободен.

— Давай утром съездим в училище. После твоего окончания я там не была.

— Хорошо. Если ничего не случится, я за тобой заеду.

Илья заметил, что с ним происходит нечто непонятное. За всё время он ни разу не прикоснулся к Лене. Хотя в своё время они всегда целовались, как только предоставлялась такая возможность. Илья понял, что все эти женщины, начиная с Анечки, стоят глухой стеной на пути к Лене. И ему будет очень трудно пересилить себя, тем более что он уже умудрился один раз обратиться к Лене — Анечка, но она не рассыпалась и спросила, что он сказал. Пришлось выкручиваться.

Однако подошло время и они не спеша вышли на улицу. И опять всё повторилось сначала. Около его дома стояло такси, из которого вылезал Борис. Он очень обрадовался, когда увидел Илью.

— Привет, Ленка!

— Здравствуй, Борис.

— Я вас не обрадую. У нас ЧП. Так что тебя ждёт шеф и предстоит тебе дальняя дорога и, возможно, казённый дом.

Лена растерянно произнесла:

— Но ведь я же опоздаю на работу.

— Не опоздаешь, — сказал Илья. — Значит так, Боря, берёшь Лену в такси, отвозишь её на работу и потом к шефу. А я напрямую к нему.

— Боря, скажи хоть толком, — взмолилась Лена, — ведь на носу Новый год!

— Да там сложности... Руслан попал в аварию и в больницу. Так что Илья в Германию и назад. Если сейчас выедет, то точно успеет к Новому году. Шеф сейчас у Руслана. Тот готовит ему все адреса и обозначает всех своих знакомых. А команда уже собра-

лась и ждёт в бусике. Сначала хотели меня послать, но оказалось, что в Минске тоже есть срочная работа, и больше никого нету.

– Ну что ж, по коням.

Через двадцать минут Илья сидел на месте Руслана, и тут же Семён Исаакович вручил ему тетрадь, где всё было последовательно расписано, а также пачку денег в полиэтиленовом пакете и в придачу газовый пистолет.

– Будешь звонить мне из всех контрольных точек. Они обозначены в тетради. Дело в том, что мы не собирались ехать, но у Виктора в последний день подвалили машины. Постарались перегонщики с Запада. Сам понимаешь, у них выходные до Нового года и после Нового года. Виктор успел сделать все бумаги и наша задача, чтобы эти машины проскочили таможню в этом году. После Нового года пошлины значительно повышаются. Поэтому без остановок. Обедать будете на ходу.

Последнее рукопожатие и дядя Миша, как заправский гонщик, стартовал по известному ему маршруту. Броде времени хватало, но Илья сразу же начал изучать тетрадь. Оказалось, что есть варианты. Тем более что поездка была внеплановая и было непонятно, какая смена будет дежурить на таможне. Так что Илья основательно всё вырубрил, а затем спросил у дяди Миши:

– А как Руслан?

– Да ничего хорошего. Открытый перелом ноги и сломана пара рёбер. Какой-то пьяный лихач врезал на перекрёстке. Поэтому, Илья, придётся тебе покататься со мной как минимум два месяца.

– Ну что ж, кататься так кататься...

На границе повезло. Попала та же смена. Правда, всех удивляло отсутствие Руслана и то, что они

так быстро направились в очередную поездку. Но всему было объяснение. Более того, за дополнительную плату они буквально на рысях проскочили границу: и одну, и вторую. К тому же конечный пункт назначения был тот же и команда сохранила свой состав. Возможно, подействовало приглашение шефа на банкет.

Некоторые приключения как ни странно начались с поляками на границе с ГДР. У одного из водителей было что-то не в порядке с пропиской, по мнению пограничника, и ему никак не могли объяснить, что в Беларуси это в порядке вещей. Объясняли, что они вернутся на следующий день. Но поляк упёрся и про деньги даже не хотел слышать. И опять повезло. Случайно подошёл его начальник и узнал дядю Мишу. Они были примерно одного возраста и, как оказалось, когда-то дядя Миша принимал его у себя в гостях в Минске. Вопрос решился за несколько секунд, которые ушли на то, что начальник и дядя Миша обнялись и расцеловались. Его знакомый спросил:

– Миша, какие у тебя проблемы?

Сам пограничник сказал:

– Проблем никаких нет, они только что подъехали и должны чем быстрее освободить проезд.

Все вскочили в бусик и помчались дальше. Ночью были на месте. Здесь возник главный вопрос: на машины не были оформлены транзитные номера. Остальное было в порядке. Совещались не долго. Не факт было то, что назавтра удастся вытащить кого-либо из работников в выходной день и оформить эти номера. Договорились очень просто: дядя Миша едет на бусике впереди и, если будут стоять полицейские, он останавливается под каким-либо предлогом, забалтывает их, а колонна должна промчаться на

предельно допустимой скорости. Тут же разобрали машины. Договорились обойтись на сей раз без остановок, даже если будет стоять что-то привлекательное. Надо было любой ценой успеть проскочить границу в этой же смене.

В ГДР, видимо, помогли праздники – полиции нигде не было. На границе на номера никто не обратил внимания. И опять их встретил друг дяди Миши. Он предупредил, что на центральной трассе выставлены дополнительные посты, так как случилось какое-то ЧП. Но он показал по карте новую обьездную дорогу: лишних сто километров, но без приключений. Как говориться, не имей денег, а имей хотя бы одного друга, тем более в Польше.

Всё было хорошо. Но на гравийке пошла полоса невезения: начался прокол за проколом. Не успевали менять колёса. Как будто кто-то нарочно насыпал мелко нарезанную колючую проволоку. Дошло до того, что пришлось одну машину, на которую уже не хватило запасок, загружать на прицеп дяди Миши, а его машину с прицепа отдать водителю. Приняли решение: на первой же станции техобслуживания остановиться и отремонтировать все колёса, ибо дальше было рискованно двигаться.

Станцию нашли, но никто не работал. Стало ясно, что так будет до границы. Поэтому расспросили местных жителей и разыскали хозяина мастерской. Тот согласился за дополнительную плату с обязательной помощью водителей сделать все колёса. Но это в конечном счёте спасло авантюрное мероприятие, потому что до границы было ещё несколько проколов.

И всё-таки выигрыш во времени был налицо, поэтому приняли решение два часа отдать супермаркету. Затоварились по полной программе. Илья выполнил все заявки отца, которые тот сделал сразу после первой поездки. Пришлось катить две тележки. Тут же перекусили и стартовали дальше.

Границу проскочили очень легко. Опять выручили знакомства и деньги. Тем более что в обратном направлении очередей практически не было. Люди ехали в Польшу, а из Польши – в основном перегонщики. А перед Новым годом их не было. Один доношный таможенник обратил внимание на номера, но его начальник тут же дал ему срочное задание, и тот отправился его выполнять. А когда вернулся, то каравана и след простыл.

Илья расслабился. Он представил себе, как здорово они справились – тридцатого дням приедут на растаможку и никаких больше проблем. Но рано пташечка запела... Неожиданно караван затормозил. Илья подъехал к дяде Мише и сразу понял ситуацию. На разделительной полосе стояли разбитые «Жигули», а в кювете вверх колёсами лежал перевёрнутый «Москвич»... колёса ещё вращались...

Страшного ничего не произошло: один побил фары, а другой, уходя в кювет, перевернулся. Все отделались царапинами. Насторожило другое: обе машины двигались с достаточно низкой скоростью. Было потепление и асфальт превратился в каток, а сверху присыпало снегом. Два градуса мороза и северный ветер сделали своё дело. Когда вытащили машину, то встал вопрос: что делать дальше? Дядя Миша предложил слегка приспустить колёса, увеличить дистанцию и двигаться с минимальной скоростью. Вот так и ехали двести километров больше

трёх часов. Правда, потом всё встало на свои места. Асфальт был чистый.

И всё-таки успели. Одно было плохо: Илья ни разу не смог позвонить шефу, а Виктор отправился вместе с ними в Минск и перегонял при этом себе машину. Правда, когда до Минска оставалось совсем ничего, удалось с местной почты связаться и сообщить шефу приятную новость. Тот сначала был в бешенстве, но, узнав, что все машины уже находятся в пределах видимости Минска, обрадовался и даже похвалил Илью за сообразительность. Он тут же позвонил своему другу таможеннику. Когда команда появилась, открыли дополнительное окно, и дело было сделано.

Таким образом, тридцатого вечером Илья был дома. А Лена – на работе. Подарки всем понравились. Отец был на седьмом небе от счастья. Он получил набор инструментов, а также всё необходимое для ремонта квартиры. Мать не могла налюбоваться на посуду и комплект столовых приборов. Илья удивил тем, что тут же отправился в душ, и когда мать зашла к нему в комнату, он уже спал.

Утро следующего дня прошло в суматошной подготовке. Родители ушли к брату отца, где всегда встречали Новый год. Илья вызвал такси и точно в назначенное время они с Леной заходили в обозначенный ранее ресторан.

Для празднования Нового года собрались несколько рановато. Было ясно, что шеф хочет подвести итоги. Так оно и случилось. Команда собралась приличная. Работало в фирме около тридцати человек. Примерно столько же пришло мужей, жён и прочих. После поздравления с окончанием сезона шеф отметил Илью. Но при этом пошутил... правда, от этой шутки Илье стало не по себе...

— Та бурная деятельность, которую развил Илья, принесла прекрасные плоды. Но, как всегда, бывают и издержки, как-то: обратились некоторые пассии по причине своих залётов, не говоря уже о том, что пришло два счёта из московских ресторанов по случаю устроенных дебошей. Но это обычное явление.

Лена не верила своим ушам. «Так вот, оказывается, почему Илья не появлялся дома!» Илья покраснел. Шеф понял, что переусердствовал, поэтому перевёл стрелку.

— Вообще-то это всё связано было с деятельностью Бориса, но когда занялся Илья, то всё это прекратилось...

Лучше бы он это не говорил. Раздалась звонкая оплеуха, и шефу пришлось догонять новую пассию Бориса и усаживать её около себя, так как около Бориса стул куда-то подозрительно исчез. Дальше шеф говорил только серьёзно. Незадолго до тридцати первого декабря было принято решение о том, что концертная программа сворачивается, открывается новый ресторан, несколько магазинов, две бензозаправки и одно СТО, не говоря уже о том предприятии, которое разворачивалось на Западе. Затем Семён Исаакович добавил:

— Фирма не заинтересована набирать незнакомых людей. Поэтому встреча Нового года коллективом предполагает в том числе небольшое собеседование с теми, кто является членом семьи работников фирмы и готов влиться в её состав. Поэтому все желающие могут подойти ко мне во время танцевальной паузы и предложить свои услуги.

Стало понятно, почему новогодний вечер начался так рано. Через некоторое время Семён Исаакович подошёл к Илье, познакомился с Леной и сказал:

– В общем-то, я закончил все переговоры. Кроме Лены практически все присутствующие согласились влиться в фирму. И мне осталось решить вопрос только с тобой, Илья.

Илья сразу же заметил:

– Вы можете высказать свои взгляды в присутствии Лены. Так даже будет лучше.

– Хорошо, Илья, пусть будет по-твоему. В середине января намечается открытие ресторана. На самом деле это многофункциональное заведение, позволяющее устроить разноплановый отдых. И я хотел бы видеть тебя в роли своего заместителя. В этом здании будет находиться офис фирмы и оттуда будет осуществляться руководство всей деятельностью. Но есть одно но. Руслан приступит к работе не раньше пятнадцатого февраля. Ты единственный человек, которому я могу доверить его деятельность.

– А Борис? – спросил Илья.

– В отношении Бориса отдельный разговор, который состоится после Нового года. Я ему дал время подумать. Хотя он сказал, что ты в курсе дела.

– А-а... Тогда всё ясно. А я думал, что это его очередная пьяная шутка.

– Возможно, пьяная, но не шутка. Более того, мы с тобой знаем все обстоятельства. И, наверное, то, что делает Борис, – это верное решение. Виктор передаст тебе все дела на Западе. Подыщи себе толкового парня и сразу после Нового года, этак числа третьего, вы стартуете. Неделя на раскачку, а затем приедет дядя Миша с командой. И ты вернёшься в Минск. Собственно говоря, у тебя будет выбор: либо ты работаешь там, и твой помощник катается с дядей Мишой, либо он остаётся, а ты выполняешь эту роль. Предположительно с пятнадцатого февраля ты приступаешь к своим основным обязанностям. У нас

будут обширные связи с Прибалтикой, Украиной, Молдовой и Россией. Работа более спокойная и зарплата примерно троекратная. Тебя это устраивает?

— Да, устраивает.

— Лена, а почему Вы не хотите у нас поработать?

— Видите ли, Семён Исаакович, я серьёзно занялась медициной. У меня интересная работа и интересная учёба. От добра добра не ищут.

— Хорошо, это похвально. Но в перспективе мы будем создавать медицинский центр. Тогда опять вернёмся к этому вопросу.

До боя курантов оставалось не более получаса, как Семён Исаакович преподнёс сюрприз. Вначале появилась супруга Руслана, а затем около ресторана остановилась машина скорой помощи, и два дюжих санитара на носилках внесли Руслана. Тут же его перегрузили на специальное инвалидное кресло и подкатили к тому месту, где сидел Илья. Так что у него была возможность совместить приятное с полезным.

Лена была удивлена. Она уже не раз слышала о фирменных праздниках. Но здесь было что-то особое. Наверное, люди серьёзно относились к работе. Не было разгула, никто не напивался. Всё прошло весело и интересно. Разъезжались после шести утра.

А мозг Ильи сверлила одна мысль: где же взять помощника? И потом он понял, в чём была его ошибка. Ведь помощник нужен был не ему, а Руслану. Поэтому он успел выскочить на крыльце ресторана и встал на пути отъезжающей скорой помощи. Водитель затормозил. Илья извинился и сказал, что ему нужен Руслан буквально на минуту. А у того не было никаких сомнений. Его помощником будет дядя Миша и они по очереди будут не-

сти свою нелёгкую службу. Так что вопрос решился легко и просто.

Илья вспомнил тот тост, который он произнёс после новогоднего: «Трест лопнул. Да здравствует трест!» Все посмеялись, но выпили.

Такси въезжало во двор дома Лены. Одновременно с другой стороны подъехало другое такси, из которого вышли её родители. Все вопросы отпали сами по себе. Илья попрощался и отправился домой.

ДОРОГА К СЧАСТЬЮ?..

И опять закрутилась карусель. Правда, временная. Прежде чем уехать в ГДР, Илья сделал Лене предложение. Оно было принято. Решили восьмого марта провести семейный вечер, а потом отправиться в свадебное путешествие.

Илья работал на износ. Оказалось, не так-то просто приспособиться к пунктуальности немцев в их оформлении документации. Ни одна машина не получала добро на продажу, пока не была «переобута» в резину в соответствии с требованиями. Имели место многочисленные аварии как на дорогах ГДР, так и в Польше. Поэтому немцы ужесточали требования к продаваемым машинам, а поляки зверствовали на дорогах. Иногда приходилось в полном смысле бросать машины, то есть оставлять их на специальных стоянках и забывать об их существовании, ибо сумма штрафов могла превысить стоимость и доход.

Встал вопрос о покупке почти новых машин. Но сразу же возник другой вопрос – рэкет на дорогах Польши. Поэтому требовалось сопровождение. Польская полиция заламывала такие суммы, что подчас приходилось рисковать. Но, как говорят, бог миловал. Старались формировать караван таким образом, чтобы среди старых машин вклинивались новые.

Полтора месяца промчались как одна неделя. Илья даже не поверил, так как позабыл счёт дням, когда перед ним появился здоровый улыбающийся Руслан и поздравил Илью с «дембелем», но при этом добавил:

– Тебя ждёт шеф.

Семён Исаакович был озабочен. Борис к этому времени прохлаждался в Канаде. Равноценной замены ему не было. Поэтому приходилось всё делать самому. А Илью надо было срочно отправить в командировку в Прибалтику, тем более что шеф помнил о приглашении на семейный вечер. Он понимал, что разговор с Ильёй будет трудным. Предполагалось, что все его командировки заканчиваются и он сосредоточится на работе в Минске. Но человек предполагает, а судьба располагает... Поэтому разговор был коротким.

– Вот что, Илья, это моя последняя просьба такого рода к тебе. Но у тебя есть выбор: либо ты отдашься три дня и затем отправляешься в командировку по маршруту Вильнюс – Рига – Таллинн, либо отправляешься сегодня и у тебя есть шанс вернуться на три дня раньше. Но уж по крайней мере семейное торжество ты будешь проводить с чувством выполненного долга. Надо не только заключить договора, но и организовать первые поставки. Предварительная договоренность есть. Всё упирается в сроки и деньги. А здесь тебя учить не надо.

Илья не раздумывал:

– Документы готовы?

– Да, у меня на столе лежит папка. В кассе получишь необходимые деньги на расходы и всё остальное. Учи, Прибалтика – это не Москва. Особое внимание обрати на поставки рижского бальзама. Для нашего кафе это будет неплохое приобретение. Всё остальное в предписании. Если хочешь, можешь взять моего водителя.

– Нет, – сказал Илья, – одному мне будет проще.

Илья понимал, что его счастье в его руках. Поэтому он заправил полный бак, на всякий случай залил одну двадцатилитровую канистру и стартовал.

На выезде из Минска на посту его тормознул гаишник, проверил документы и предупредил:

– После оттепели будьте осторожны. Имеет место гололедица.

– У меня шипованная резина.

– Иногда и резина не помогает. Особенно на вильнюсской трассе.

Всю прошедшую неделю валил снег. Трассу почистили, а вокруг стояли сугробы. Илья даже подумал, что в случае чего можно уходить в кювет.

Он экономил каждую минуту. Поставил сто двадцать и не снижал скорость, пока не повернул с гродненской трассы на Вильнюс. Там он сбросил до сотни, пока не выскочил за Ошмяны. И здесь начались знаменитые горки. А выбора не было, поэтому Илья продолжал гнать сотню. За Вильнюсом стало попроще.

Он решил начать с Таллинна и побережья, потому что посчитал необходимым предупреждать руководителей фирм, выезжая в обратный путь. Всё складывалось удачно. Имела место заинтересованность сторон, большинство вопросов было проработано, и в какой-то степени Илья расслабился.

Закончив вопросы в Таллинне, он мог бы задержаться в гостинице и утром отправиться в Ригу. Но ему не повезло: одна русскоговорящая клиентка решила, что осчастливит его, если явится к нему в гостиницу для закрепления успеха по заключённому договору. Дама была настолько настойчива, что когда Илья сказал, что он выезжает в ночь на Ригу, она ему не поверила и сказала, что всё равно его навестит. В былое времена Илья бы не сомневался. Дама была в полном соку, но её самоуверенность, а также его желание пораньше появиться дома сделали своё дело.

Илья уехал. От сна его спасала кофейная жвачка, которую он в своё время прикупил в Москве. Казалось, что её можно жевать до бесконечности и всё равно она давала необходимый аромат. А когда подкрадывался сон, то автоматически стягивало челюсти. Илья тормозил и выходил на холод. В Риге у него ещё было время поспать пару часов в гостинице. А затем опять дела.

В каждом городе он находил для семейного торжества что-то оригинальное или просто вкусное. Весь багажник и заднее сидение уже были завалены достаточно, чтобы провести не одно семейное торжество. Но Илья всегда стремился удивлять, тем более что он помнил, какая Лена сладкоежка.

И опять карусель. И опять совпадение – очередная дама с претензией на randevu. И опять побег ночью. Илья посмеялся сам над собой: «Неужели и в Вильнюсе повторится та же история?» Как ни странно история повторилась. Правда, здесь он прямо сказал, что его ждёт невеста и седьмого марта у него бракосочетание. Дама улыбнулась и заметила:

– Илья, у Вас уставший вид. Вам очень бы не помешало отдохнуть.

Илья сам понимал это. И он бы остался. Но ему не хотелось в преддверии встречи с Леной поступать таким образом. А обмануть и остаться тоже было нельзя, потому что женщины мстительны. И не дай бог, если бы эта молодая директриса узнала бы, то в следующий раз никакого договора не было бы. Так что Илья заранее наметил, что в следующий раз в командировки поедет сам Семён Isaакович. «Вот пусть и спит с кем попало», – подумал он.

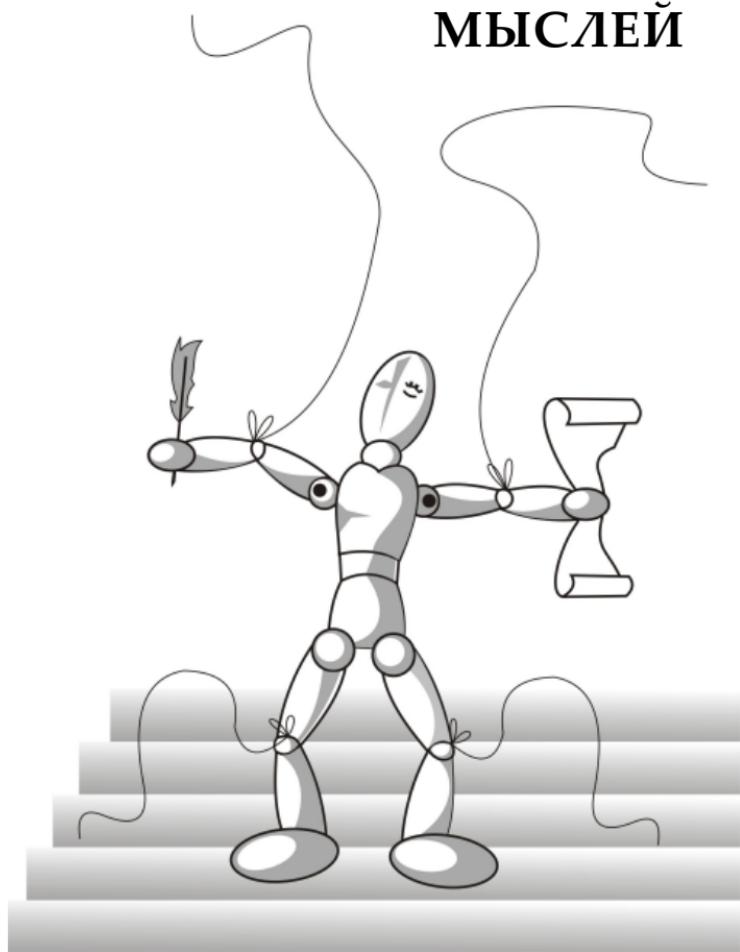
И опять Илья стартовал в ночь. Он понимал, что ему надо быть предельно внимательным на вильнюсских горках. Это был участок дороги, состоящий

из одинаковых холмов, но с коротким подъемом и спуском. А так как не было встречных машин, Илья занял осевую и периодически включал дальний свет. Ему казалось, что он уже проскочил эти чёртовы горки. И он сам себе сказал: «Начинается моя дорога к счастью...» Он даже не сказал, а просто подумал.

Дальнейшее было непонятно и необъяснимо. Навстречу выскочил «ЗИЛ» без ближнего света с одними габаритами, и практически на вершине горки пошёл в лобовую. Илье ничего не оставалось, как на скорости сто километров в час вывернуть вправо. Машина взлетела над кюветом, слегка зацепилась задним колесом за дерево... Её развернуло... и она пошла кувыркаться в глубоком мартовском снегу... Илья услышал страшный грохот за спиной – это «ЗИЛ» врезался в дерево. И, теряя сознание, он подумал: «А всё-таки я мягко приземлился...»

СТУПЕНЬКИ БЕЛЫХ МЫСЛЕЙ

БЕГ

Я не гений. Но уже и не ноль.
Бесконечная беготня. От любви.

От скуки.

От тоски.

От старости.

От смерти.

А дорога одна – к Богу!
Как в Одессе – все улицы ведут к морю.
И обратно бегом. К ревности.

К веселью.

К радости.

К молодости.

К жизни.

Приятно быть невинным грешным.
Просто... всё просто...

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ МАЛЬЧИКА

Смеётся капризное утро,
утирая слезинки росы.
На твоих голубых глазах
сошёлся клином свет.
Ещё вчера всё было так обычно,
но вечер подарил встречу с тобой.
И ничего уже не исправить.
Моё ухо хочет слышать твой голос,
ставший родным.
Минуты, тикая,
улетают молитвами в небо.
Больше, больше молитвоминут
и будет встреча...

С треском перегорела лампочка, как тогда,
при первой встрече с тобой,
когда рука не смогла
дотянуться до выключателя.
В то время я первый раз
споткнулся о цинизм –
и лето переоделось зимой,
вместе с солнцем.
И холодный ветер разнёс
глупые сказки вдохновения...

Теперь меня не обольстят
даже короткие юбки.
Теперь я брезгливо отворачиваюсь
от дешёвых романов.
Теперь я всегда смеюсь,
читая классиков.
Теперь я всегда громко смеюсь
в компаниях.
А плачу я шёпотом, наедине с собой...

ТЕАТР

Мы были когда-то вчерашней улыбкой,
под звук ног, сбегающих по лестнице.
Потом становились неузнанными,
улыбаясь обычным пресным словам.
Подёргивая за нити судьбы,
жизнь смеётся над своим театром марионеток,
как грозный Манджафоко,
готовящий себе ужин на вертеле.
А мы стоим на сцене кукольного театра
и ждём помилования, чтобы в очередной раз,
дождавшись его, бестолково веселиться
до восхода солнца.

ГРАДАЦИЯ

Давайте остановим поезд посреди степи,
сойдём и попытаемся нарвать букет цветов.

Лёгкой походкой пройдём
по полынным стеблям, сквозь которые,
как через шторы времени,
соится холодный туман облаков.

Через прозрачность утра
шагнём в зазеркалье
и будем ждать и искать там кого-то.

После жизни жизнь не бывает,
мы это знаем.

Здесь, видимо, нам подарят
ощущение усталости,
минуты, часы, недели, месяцы, годы,
закаты, рассветы, дни, ночи,
сознания всполохи...

Мы понесёмся вперёд через призму времени,
безуспешно пытаясь вступить
на путь созидания.

Не нами придуманы законы природы –
мы вслепую отыскиваем ладонь в темноте.

Наши годы ложатся на рельсы времени,
и во мраке музыка грустью
ласкает нежно душу.

Мы устаём шептать проклятия
нашей неверности
и, закрыв глаза,
ломаем жизненные принципы,
вдыхая запахи кожи любимых,
вплетающейся в запахи желаний,
примирившихся с чайной розой.

ГАМЛЕТ

Думать о Гамлете в двадцать первом веке
достаточно странно и сложно.

Сложнее уловить направление мысли,
когда бледный свет Луны освещает,
сквозь верхушки елей и сосен, лесное озеро.
И только одно слово достойно написания –
ПОКОЙ.

И желание бесчисленных воспоминаний
с ненавистью к искусственному счастью –
великой любви сталкера, идущего в зону.
Был ли Гамлет сталкером,
последним уколом шпаги, через вечность,
случайно убившим время?

ВРЕМЯ

Время проходит мимо нас потоками лиц.

У каждого своя дорога.

У каждого свой шанс и свой мир.

Мы движемся,

меняя маски печали и радости,

стараясь не разбить своё сердце

о грязный асфальт чёрствости.

Ступаем по клавишам рояля жизни,
надеясь, что она не может быть чёрно-белой
в волшебном семицветье.

Струи дождя, разбиваясь о наши зонты,
заставляют теряться в догадках лужи,
отражающие припаркованные машины
и мокрых котов, греющихся
под остывающими моторами.

Потом у окон, размешивая сахар
в привычных чашках с кофе,
мы смотрим сквозь стёкла на бахрому дождя,
повисшего над вечерним городом,
тонущим в оградах новостроек,
гордо считающими, что они неповторимы
в своей однотипности у человечества,
давно растратившего своих кумиров,
которых само же обожествило
и остановилось на распутье
в ожидании новой эпохи Возрождения.

И только облака,
плывущие после дождя по небу,
гордо меняют свои формы,
упиваясь свободой и независимостью
от течения времени.

ВОКЗАЛ

Волнующий шум вокзала
ранним утром, когда дождь
моет перрон и уставшие вагоны.
Заспанные пассажиры
и вздыхающий тепловоз.
Ты хочешь уехать от меня.
Туда – где счастье
приютится в твоих ладонях...
Туда – где море бороздят корабли...
Туда – где звучат симфонии горных рек...
Туда – где ты до хрипоты будешь
кричать в пустоту: Я люблю тебя!..
Ты хочешь уехать? Уезжай!
Но знай, туда, где меня нет,
поезда не ходят...

ТЫ – МНЕ – НРА...

Скоро ты перестанешь
встречать меня в метро.
Скоро ты перестанешь
слышать мой голос.
Мой поезд улетит
по подземной розе ветров.
Только шёлковой плетью
споёт каждый волос.
Ты будешь вечерами
расклеивать белые листки,
словно потерял собаку
или меняешь квартиру.
А у меня клубится туман, разбавленный
настоем моей тоски.
Я буду дальше нести на своих плечах
свой крест и свою лиру.
Ты будешь, как ребёнок,
рисовать меня на асфальте,
а может, с ненавистью бросать
нервные мазки на холст?
Мой потерянный друг, мы вместе
лишь на контурной карте.
Боль приблизилась,
и седина коснулась волос.
Это осень пришла в золотисто-пурпурном
роскошном наряде.
Нам нужно оставить нашу память
в тёмной комнате,
где-то с краю души,
в необдуманных словах, во взгляде.
Мы так захотели!
Я уже не помню.
Вы помните?..

АВАРИЯ

Крик чёрных шин на мокром асфальте,
звук захлебнувшейся аварийки.
Вкус талька с кровью на губах
от подушки безопасности.
Запах бензина и свежевспаханной земли.
Из чаши луны покатились по небу звёзды,
расплываясь снежинками от слёз боли,
сменяющуюся осознанием сложности
из-за отсутствия близких людей.
Ощущение на щеке шершавого языка,
выпрыгнувшей из-под колёс косули,
которая вернулась.
Взгляд глаз, столкнувшийся с её взглядом,
соприкосновением чуда,
из которого медленно перетекает жизнь
в новое пристанище незнакомой души,
оставляя уже непослушное тело.

УХОДЯ ОТ РИФМ

Ухожу от рифм, цифр и вопросов,
типа – «как дела?».

Задайте их и услышите ответ, двигаясь всё дальше.

В незнакомых городах

проще всего жить по Уитмену:
смотреть на прохожих, любуясь наготой их лиц,
и ёщё морем, если оно есть, его волнами,
омывающими твои уставшие ноги.

Главное – не видеть противоположный берег,
только горизонт, когда идёшь по набережной
к шёлковым простыням гостиничных номеров,
не умеющих быть по домашнему добрыми,
но вежливо желающих тебе – спокойной ночи.

В незнакомых городах нужно учиться
по-новому быть взрослыми,

удивляясь и делая бредовые ошибки.

Постоянно возвращаться к ностальгии
и говорить ей, чтобы она перестала
таскаться за тобой, как дешёвая проститутка,
предлагающая свои услуги.

В незнакомых городах приходится стремиться
к электронному ящику,

переполненному письмами, чертыхаясь на спам,
и к ISQ, перегруженному контактами,
большую часть из которых уже и не вспомнить.

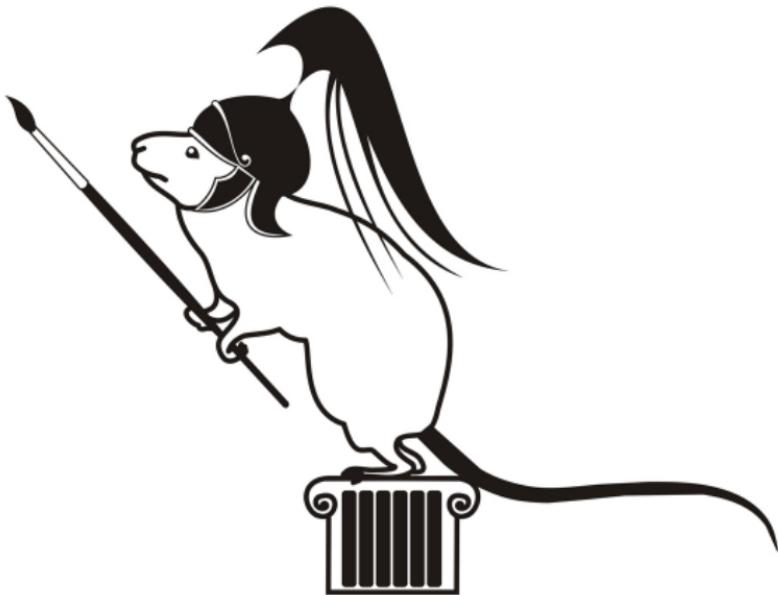
Виртуальная дружба возвращает в мир,
напоминающий тебе стуком клавиш ночью
о далёком доме и любимых.

И строки, бегущие на экране монитора,
 успокаивают стрелки часов, дрожащих от фразы,
ставшей коронной у твоего одиночества:
«Абонент находится вне зоны действия сети».

АКВАРЕЛЬ

В детстве у меня были
акварельные краски.
Ими можно было нарисовать
нежные облака и тёплое солнце,
вечерние закаты и серые тучи,
лазурное море и корабли,
багрянец осени и серебро зимы,
взгляды прекрасных глаз,
пепел тлеющего костра,
слёзы и улыбки.

И даже можно было нарисовать...
Но рисовать я не умел.

ГРАФО-МАНЬ

Приснилось мне, что перестал я быть поэтом.
Поэтому спрошу: а был ли им?

И высота не манит... и глубина не влечёт...
И даль не зовёт... так жизнь течёт...

Больше не получаются чудеса из рифм.
Больше не взлетать с музой по ночам.

Хватит, достаточно написал в урну.
Хватит искать смысл в полёте снежинок.

Вот сейчас лягу и умирать буду.
Всё хорошо, ничего делать не нужно.

Тут мысль выпрыгнула на белый лист:
«Ты соображаешь, что делаешь? Подумай!»

А ведь и, правда, – подумал, – написал же что-то.
А ведь кому-то нравится. Читают.

Посмотрел в окно – дождь по мостовой.
Посмотрел в зеркало – тоже кисло.

Всё нужно исправить, как было. Нет! Лучше.
В очередной раз – шаг назад и два вперёд.

Как не крути, все мы часть истории.
Какой-никакой, но всё-таки истории.

Пусть даже графоманской.
Пусть даже.... Пусть.

ЗВОНОК

Отвратительный сигаретный дым
вновь пытается занять место вздоха в лёгких.
Горе съёжилось в углу комнаты под батареей
и мешает греться черепахе.
Я снова набираю твой номер,
чтобы услышать молчание в конце тоннеля.
Научи своё безразличие
не рассказывать мне о твоём счастье.
Разжигаю камин, и белый лист,
отражая всполохи огня, греет мне взгляд,
повиснувший в морозном вечере февраля.

ЧИТАЯ БУЛГАКОВА НА НОЧЬ

Ночь с томиком Булгакова подмышкой
на кошачьих лапах входит в мой дом.
В руках она держит крылья и алый бутон розы,
Предлагает полетать вместе.
– Но с одной парой крыльев не полетаешь, –
удивлённо говорю я.
И тут из томика выпадает метла.
– Отлично, – говорим мы в один голос.
И берём каждый по крылу, садимся на метлу,
и Ночь посыпает нас из бутона волшебной пылью.
Мы вылетаем в окно и поднимаемся над домами –
упаковками спящих людей,
парим над городом к зеркальной глади озера.
Стайка полуночных русалок на лунной дорожке
манит нас узнать тайну бессмертия.
Мы взлетаем в небо, и Ночь показывает пути,
по которым на землю стекают
созвучия, рифмы и музыка,
пути, по которым души улетают
в небо и становятся звёздами.
Мы пролетаем мимо Храмов
Гармонии и Радости Созерцания,
Тоски и Грусти, Умеренности, Безмятежности,
Остановившихся Мгновений...
Ночь устает перечислять:
– Скоро утро, летим назад.
– Летим, – соглашаюсь я.
Мы расправляем крылья и начинаем спуск,
описывая круги над Землёй.
– Завтра полетим на планету
Счастливых Взрослых Детей?
– спрашивает Ночь.
– Конечно, – отвечаю я.
А сам думаю: как хорошо,
если бы это был полёт в один конец...

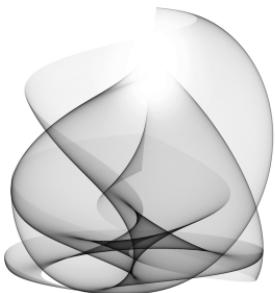
СТРЕЛКИ

Кофе с привкусом горя.
Миндаль – спец в выборе смерти –
переводит стрелки часов.
Твой рейс уже в небе,
и стая белых голубей
из моих мыслей
не догонит тебя.
И точками звёзд
останутся стихи,
летящие тебе во след.

РЕАЛЬНОСТЬ

Без четверти полночь. Мозг ловит рифмы.
День прожит в полумраке комнаты.
Рожденья слов освоены законы,
мы чужие – никто не понятый.
По-дружески меня обняли рифмы.
Я айсберга кусок отколотый.
Вокруг лишь альтруистки нимфы
и горечь моих дум непонятых.
А за спиной только ночь
и порог твоего дома,
и ёщё один холодный дождь.
Ситуация до боли знакома.
И, раздумывая о разности
между рефлексом и сексом,
понимаешь параллель реальности,
но сначала безопасность,
изучение разнообразных лиц,
ёщё не ставших личностями,
а также серые травы и крики птиц –
нужен укол безразличности.
Или большая чашка крепкого кофе
в наглой руке, под стон сигареты,
в такт сердечной моей катастрофе.
И шепчу я тихо: где ты? где ты...

* * *

Дождь смывает грязь с домов и улиц,
смывает с тротуаров прохожих.
Наша жизнь проходит его холодными каплями.
Мы пытаемся остановиться, ломая зонты.
Мечты теряются. Мы выпадаем из жизни,
шагнув в одиночество.

ФЕВРАЛЬСКИЙ ДОЖДЬ

С многозначительным видом
делаем простые вещи.
Например, катаем хлебный шарик
между пальцев.
И память, как эмаль,
покрывается сеточкой трещин,
нервно пульсируя,
движется комом к запястью.
В мыслях, всегда расходящихся со словами,
как во льдах отчуждений,
утрачиваем осязанье.
И столько путей мы себе преградили сами,
прожигая губами слои небылиц в
подсознанье.
Покоряясь ему,
в зеркала смотрим
мы невнимательно.
Улыбнёмся весне
через месяц обманчиво.
И ошибки свои повторим,
и исправим потом обязательно.
Сердце тянется к сердцу,
как прежде, доверчиво.
Дождь расставит над буквами капельки точек,
И в прохладное утро,
слезами шагая по крышам,
Он сплетённой рукою из струй –
длинных строчек
Дарит вечный мотив –
нужно только услышать.
Под него и безмерно-уютных признаний
не жалко.
Нежных пальцев касанье застенчивой кожи,
ты играешь на мне,
презирая щадящее ларго,
и февраль никогда не вернётся, быть может...

ТИШИНА

Капает вода в ванной.
Мажор не в тему.
Минор не в радость.
Можно было бы помолчать,
но мы об этом уже говорили.

МОРЕ

Опять мысль упала на бумагу.
Схватила ручку и сунула мне в руку.
И побежали слова по листу.
Из абстрактной призмы мысли
рождаются листки с кривыми некрасивыми
словами, болтающими с сердцем о великих...
Марина... вкус земляники на губах...
Анна... вкус пороха с Крестов,
принесённого ветром...
Борис... вкус слёз унижения...
Осип... вкус голода в ожидании палачей...
Даниил... вкус табака на пересохшем языке...
Иосиф... вкус мутно-зелёной воды
из каналов любимого города...
Горько-восторженный разговор
о невосполнимой неповторимости.
Бесконечные букеты полевых цветов.
Бесконечный шум прибоя.
Мои слова превратятся в песчинку,
которая прилипнет к лапке перелётной чайки
и упадёт где-то на берег морского залива,
смешавшись с остальными песчинками.
Станет частью морской раковины,
которую после шторма поднимет ребёнок,
играющий на песке.
И он приложит её к уху.
А я шепну ему из вечности, голосом,
похожим на рокот моря:
– Привет...

МАРТ

Приходит вечер, меняя цвет нашей кожи.
В сердце начинают созревать чувства,
родившиеся утром.
Садится солнце в море, словно в душу погружаясь,
под колкими взглядами наступающей ночи.
Мы вновь становимся непостоянными,
чтобы слиться надолго в единое целое.
Блудные дети Америк и Англий –
все мы замрём в янтаре скорпионами.
Ведь смерть приглашений на праздник не требует.
В детских мечтах заблудились нечаянно.
И в наступивший март, утирая слёзы,
войдём с позабытым предчувствием разлук.

ПРОСТО БЫТЬ...

Напиши мне несколько строк...
Пару слов хотя бы, но из самого сердца.
Этот листок я повешу в рамке на стену
и буду перечитывать, когда ты будешь далеко.
А я буду писать тебе стихи,
сбиваясь с привычного ритма,
в такт своему сердцу, потому что
я просто хочу быть твоим миром.
А мой мир – это рифмы, тысячи исписанных
неровным почерком страничек и мечты.
Это реки и моря, закаты и рассветы,
и бесконечное число пейзажей,
запомнившихся мне из разных путешествий.
И когда мой путь во времени закончится,
последнее, что всплыёт в моей памяти, –
это Солнце и взгляд твоих милых,
сощуренных глаз...

ГРУСТЬ

С бессонницей брожу по улочкам
старого Минска
с памятью реанимированных домов,
среди обезличенных автобусных остановок.
Придумываю рифмы и героев
в маленьких рассказиках,
читая порванные рубашки афиш.
Потом дома крепкий кофе и болтовня
в виртуальном мире Интернета
с невидимками, пишущими всякую чушь.
Иногда случайно ловишь
интересных людей,
но их не так много
в том закрытом мире.
К утру приходит сон,
точнее цепочка
из дрёмы и пробуждений.
Гаснут фонари, и рассвет заглядывает в окна.
Впереди день ожидания встреч
под мерное тиканье часов,
поездках в маршрутках
(люблю рассматривать город из их окон,
конечно, если водитель аккуратен
и стёкла чистые).
Только грустно становится с каждым днём
в этом городе, теряющем улыбки
даже с приближением весны.
В мыслях всплывают стихи А. Галича:
«.... и стала грязно белой грязь.
И стала грязно жёлтой грязь.
И стала грязно синей грязь,
Под кистью маляра.
А потому, что грязь есть грязь,
В какой ты цвет её не крась!»

ФОТОГРАФИЯ

Хочу поменять фото в рамке.
Теперь это место

мы разделим на двоих,
с надеждой, что потом
не больно будет падать.

На фото, где мы вдвоём,
ты в том же возрасте, как и я
на старом снимке...

Когда меня не станет,
не меняй его, а просто
повесь новое – рядом.

А пока наши сны спокойны,
и только стоны наслаждения
разрывают паутину ночи,
и даже молчание громче слов.

Это потом я буду незримо рядом.

Потом целую вечность
буду вспоминать о тепле
под одеялом и мягкие подушки.

И силуэты, силуэты, силуэты...

Чёрные вены каналов любимых городов.

И Отче наш – сквозь века –
единственной фразой.

* * *

Друг за час, и вдали от глаз
Лишь души размах, только боль в висках.
Только сердца стон, но не слышен он.
Только была б грусть так невидима,
Если была б мысль так не ранена.

СЛЁЗЫ

Почему родившиеся дети плачут?
Может быть, это слёзы о прошлой жизни,
память о которой сохраняется у ребёнка
в первые мгновения?

Начинается новая жизнь.

Быстро пролетят годы беззаботного детства.
Следом молодость, одиночество, старость...
Это потом будем захлёбываться в страданьях,
презрительными взглядами мерить чужую жизнь;
врать и предавать, застыв на миг у зеркала;
доказывать с пеной у рта, что ты Человек;
бояться быть брошенным,
ломая препяды желанием любить;
писать стихи и получать награды;
обезболивать сердце, рисуя картины будущего,
и тоже плакать, когда больно...
А может быть, дети плачут, поняв,
что родились людьми?..

РИСУЕМ ФЛОМАСТЕРАМИ

Ночь приветствует меня рокотом волн
и прохладой ночных бриза,
оставляет две тени потухших не вовремя солнц
на белеющем диске небосвода.

Сколько будет ещё ночей одиночества,
разбуженных криками чаек?

Люди уходят к звёздам через пыль бабьего лета,
струясь над морем ветрами печалей.

Вслед им весна рисует лапами елей и сосен
картины с преобладанием зелени в звонком лесу,
который прячет на холме эхо, как стрелы в колчан,
а также память скрывает до времени расставания.

Мы отплакали зиму – отплачим и весну,
но уже держа в руках не снежок, а одуванчик.
И жизнь могильной повиликой вьётся по кресту
в просторное небо, нежась в лучах солнца.

И...

Ты стоишь, сегодня на улице, в другом городе, ешь яблоко и звонишь мне. Смотришь на следы мокрых подошв на пятнистом панцире асфальта.

Телефон звонит молитвой: «Пошли мне, Господи, рассвет». И божья коровка, проснувшись от спячки, висит кровавой слезой на стекле открытого весне окна.

Я хочу к тебе. Мы будем вместе писать стихи. Мы будем рисовать мечты друг друга. Наши мысли вознесутся к небесам с просьбой о прощении грехов. И эти мысли – музыка, которая станет частью цепочки жизненного круга. Настоящие мысли – настоящая музыка, как горе близнеца, потерявшего свою половину.

В горе есть гармония – вкус сладкого дождя с языка, ставшего горьким от сознания собственной грусти. И только горы и старая хижина высоко смогут подарить тишину и треск дров в камине. И мы опять посмотрим на этот мир с любопытством ребёнка. И захочется уснуть, но только до того, когда уснёшь ты, и найти тебя в мечтах снов. И провести с тобой сто тысяч жизней на берегах, где, протягивая друг

другу руки, мы будем летать, запрыгнув на облака, летящие сквозь разбитые ставни наспех склеенных будней. И смотреть сверху на дальний лес, дороги и луга. И когда-нибудь мы окажемся вместе на одной из улиц Венеции, взявшись за руки. И мир станет не так уж и тесен. И твоя красота станет маской нашей разлуки. Ведь друг без друга нам будет в тысячу раз интересней. И наши мечты уснут в нас навек. И тогда, когда придёт послушный, мягкий, ленивый вечер, мы запомним друг друга самой нежной единственной серебряной песней на свете.

ЖИЗНЬ

Иду по карте городских улиц
мимо пузатых ресторанов,
похожих на глиняные кувшины,
в которые бросают обглоданные кости
(вспоминаю героев старой сказки).
Пытаюсь рассмотреть приметы весны
сквозь снег над шумным бульваром,
сквозь размытый натюрморт сквера.
Сугробы пушистыми белыми котами,
свернувшись в клубки,
ещё смело лежат в укромных местах,
спрятавшись от безразличных взглядов прохожих.
Зима ещё многое может, но уже не так холодно.
Кафе мигает вывеской: «ХОЧЕШЬ ЧАЮ?».
Да, хочу. Зелёный с бальзамом.
Теперь я, как в аквариуме, у окна
смотрю на улицу, на гуляющие парочки,
похожие на пустые поделки,
сделанные вполне искренне.
И понимаю, что слово «жить» – не просто глагол.
Жить – это слово «гость», между «до» и «после».
Вечерний воздух прозрачен в
иллюзии неонового света,
и беспризорность городских скамеек –
это их борьба за право
лучше выглядеть летними вечерами.
Я иду домой, осознавая, как хорошо,
что у меня нет привычки искать утешения,
блуждая по чужим тупикам;
что не страшно приземлиться где-нибудь.
Главное – суметь оторваться и взлететь,
поймав дуновение первого тёплого ветра.

АЗ – БУКА ВОРЧАНИЯ

Разложение культуры скрашивается латынью,
значками на лацканах торжественной одежды,
идилией еретиков, вытирающих с лиц капли крови,
неадекватностью цензуры в наглядной агитации.

Азбукой Морзе звучат из вечности слова Иисуса,
понимаемые лишь немногими читающими Библию.
Остальные с лицами, покрытыми масками святости,
кивают головами в такт китайскими болванчиками.

Боль – но – точка – зло – ба – тире – Бог – мой – больно –
пулемётными очередями разносится над планетой.

Души, оторванные от изуродованных тел людей,
мечутся, пытаясь убить тишину безразличия,
ёжатся, не видя своего отражения в тёмных окнах,
рисуют зимой на стёклах детскими слезами.

А мы, наивные, приписываем это морозу,
убеждаем себя в том, что ад – это вечное пламя,
совершенно не думая, что вечный холод куда страшнее.
Современное общество похоже сегодня на прокажённого
со слезами на губах и покрытого язвами одиночества.

А мы пишем, слушая чужие ноты,
и читаем в состоянии *déjà vu*.
Видим на скамейках в парках
серо-газетных стариков,
жёлтопрессную молодёжь, повенчанную
Государством с пивными сосудами,
и со взглядом осоловевшей наивности, считающей,
что Гегель – это европейский город.

Страш – но – точка – пусто – тире – Отче – наш – страшно
становится от бессилия нынешнего образования.

Учат детей любить того, кого ненавидим.
Курить и пить, прикрываясь двуличными этикетками,
прекрасно понимая, что запретный плод сладок,
и самая эффективная реклама – это запрет чего-либо.
Люди запутались в клочках времени, веры и верности,
и в тщетной попытке понять хоть что-то
ковыряются в мусорном ведре Истории,
которая, кряхтя, как старушка-вахтёра,
моет нам ступени, ведущие в Вечность.

Отче – наш – Отче – наш – Отче – Ваш –
точкаточкаточкатиретиретиреточкаточкаточка...

ОДНОКЛАССНИКАМ

Включаем фантазию. Двадцать пять лет пролетело.
И не где-нибудь в Средней Азии, а рядом,
от нашего идеализированного тела недалеко.
Ангелы у всех, друзья мои, разные,
да и небо – у кого с дождём, у кого солнце.
Кто-то под зонтиком в мыслях кружеве.
Кто-то с пустой фарфоровой куколкой.
Кто-то бросается рваными рифмами,
смотрит в блокнот и покусывает ручку.
И вроде всё нормально, ничего неприличного.
Только в зеркало луж иногда заглядываем,
видя лишь безразличие и одиночество
взгляда своего, скользнувшего с вопросом: что это?
И дальше шлётпаем по асфальту в кафе
с солнечными зайчиками на стенах.
Вот и мухи полетят скоро, из белых став чёрными,
и боль улыбок в защите шарфиков
вырвется и полетит по гамбургерному городу,
пропитанному воском новогодних свечей.
Ворвётся в комнаты уставших от зимы домов
и будет падать губами в тёплые ладони,
кто против – перчатки наденьте и отвернитесь.
И если небо звёзды будет ронять от нажатия кнопки,
это будет не загадывание желаний, а слёзы.
И от недомолвок ком в горле станет горьким,
и не проглотить воздух, вдруг ставший твёрдым,
пока мысль бьётся в мозгу прошлогодней бабочкой.
Ведь есть у кого-то пьяная комната, и занавески –
лишь мороз на стёклах, и батареи холодные,
где от «здравствуй, любимый!» сходят с ума.
Но это уже с головой к доктору. И сквозь ямбы-хореи,
сквозь тираж местной литературы,
через зависть товарища-поэта, через авторитеты,
эпитеты дешёвых сериалов с одинаковыми лицами
(Люмьеры крутятся флюгерами в гробах),

выпив изрядную порцию из коллекции редкой гадости,
ворваться в любимый город, у которого есть даже море...
И попытаться спросить себя с безграничной верой...
И получить ответ, что кроме блогов и мобильных, есть –
Минск – это стук в двери ночью, когда захотят.
Минск – это рифмы птицами кружатся над холмами.
Минск – это безликие люди, идущие сквозь снег.
Минск – это постаревший подросток-эгоист,
который заставляет любить себя таким, какой есть.
И не хочется пачкаться патокой пафоса
и ловить глазами недоверчивости всполохи.
Писать будем, пока на свете бесподобным
взглядом останется взгляд небезразличности...
Даже если он будет один во Вселенной.

С МЫСЛИ ПО СЛОВУ

* * *

Календари худеют на глазах.
Наверно, лучшая диета – время.

* * *

Люди становятся старше и строже.
Может быть, стоит заставить их взлететь и
посмотреть на улыбки рек и дорог на лице Земли?

* * *

В одежде прекрасной Евы Вы смотритесь
гораздо лучше, чем в жизни.
Жаль, что Вы не Ева.

* * *

Бронировать место в Раю невозможно,
так же, как и запомнить на ощупь перила
всех лестниц, пройденных тобой.

* * *

В мире, где нет фальши, нет людей.

* * *

В молодости горе закаляет нас и делает сильнее.
В зрелом возрасте помогает правильно оценивать
ситуацию и не совершать необдуманных поступков.

В старости горе, как правило, убивает.
Ничего не знаю про следующую жизнь.
Дай бог, чтобы там не было горя.

* * *

Иногда незнание лучше горькой правды!

ВО СНАХ

Он сидел на кресле возле компьютера и смотрел на тело, лежащее на диване. «Хорош, нечего сказать, – думал Он. – Это же надо загнуться в такое неподходящее время. Что будет, когда придёт Павел?» Его передёрнуло от представленной картины...

А ведь с утра ничего не предвещало таких глобальных изменений...

Выйдя на улицу, Он зажмурился от яркого солнца и надел очки. День замечательный. Поездка на дачу будет удачной. Он намеренно не взял ключи от машины, решив, что поедет на электричке. Путь до дачи навеет новые мысли и рифмы.

Приехав на вокзал и взяв билет, Он уселся возле окна и стал смотреть на перрон, по которому сновал люд. Провинциальные мамки с ещё пустыми сумками и детьми, дачники с необхватными рюкзаками, кучки молодежи, уезжающие за город в поход... – обычная жизнь вокзала. Электричка ещё не тронулась, поэтому в вагоне не звучали громкие противные голоса разношников газет и торгаши, предлагающих всякую чушь. До отправления оставалась одна минута...

В телефоне включился будильник – нужно пить таблетки. Он встал и пошёл на кухню, протянул руку к флакону, но рука замерла... Зачем это теперь? То, чему нужны были эти таблетки, лежало на диване и не подавало признаков жизни... Самое странное, что коты бегали за ним и мяукали. Он ходил по комнате кругами, чтобы услышать собственные шаги, но не слышал их. И поэтому коты были единственной возможностью убить тишину...

Электричка тронулась. Напротив сидел парень обычной внешности и толстая тётка с противным и

таким же толстым сыном, который уже начал ныть и лезть к матери в сумку. Вот уж где верна пословица: яблоко от яблони не далеко падает.

Час дороги пролетел быстро, и Он с удовольствием вышел из душного вагона на станцию «Малиновка». Вместе с ним на перрон вышло человек десять, в основном жители соседней деревеньки и несколько дачников. Знакомых среди них не было. «Ну и слава Богу», – подумал Он. Говорить сегодня не хотелось ни с кем, тем более на ежегодные рассадочно-посадочные темы.

Подойдя к расписанию, Он пропустил вперёд себя спешащих дачников. Дорога шла через лес, поэтому хотелось идти одному. Он намеренно сошёл с тропинки и пошёл через лес. Ещё с детства Он любил гулять по лесу, это было время, когда каждая минутка приносила что-то новое и интересное. На полянке Он увидел первые ягоды земляники. Сорвал и забросил в рот несколько ягод. Во рту разлился неповторимый вкус детства. На обратном пути нужно зайти на полянку недалеко и сорвать немногого Павлу. Вот обрадуется. Он достал диктофон и начал описывать окружающую природу...

Опять запикал будильник. Он оглянулся, тело лежало в той же позе. Бог мой, что я себе думаю, сейчас вроде ничего не болит. Когда приехал с дачи, вообще всё было отлично. Пошёл на кухню, и вдруг показалось, что ударило током так, что всё тело стало немым. Он кое-как добрался до кровати. Позвонить бы, но сил дотянуться до телефона, стоящего на зарядке в другом конце комнаты, уже не было...

Телефон всё время трезвонил. Звонил Павел. «Что он подумает, где я?» Он взглянул на тело. Как точно сказано, посмотри на себя со стороны и подумай... Вот и посмотрел, и подумал: «Какой же ты

некрасивый, но всё-таки родной. Бог мой, что же будет, когда придёт Павел?» Этот вопрос сверлил мозг. Ему так стало жалко мальчишку. Ведь останется один. Вопрос с завещанием всё время откладывался на потом. Что делать, Он не знал. Хотелось плакать. Он поднял глаза вверх, туда, где висели иконы и горела лампада. Сухими губами Он прочитал молитву: «Отче наш, сущий на небесах!..»

«Удивительна человеческая сущность, – подумал Он. – Только когда невыносимо плохо, некоторые люди идут к Богу».

«... и не введи нас в искушение...» Опять резко закололо в груди и вроде где-то в голове прозвучали слова: «Только давай в первый и последний раз...» Он оглянулся, свет от лампады медленно шевелился по стенам.

– Да уж, конечно, – прошептал Он и подошёл к своему телу, лёг рядом. Тело было холодным, но Он крепко прижал его к себе...

– Ты меня сейчас задушишь! – сказал Павел сдавленным сонным голосом.

Он открыл глаза. Свет лампады освещал заспанное лицо Павла. К верхней губе прилипла косточка земляники.

– Ты дома? – удивлённо спросил Он.

– Давно дома, я пришёл, а ты спишь, не стал будить. Почему таблетки не выпил?

– Да знаешь, ездил на дачу, погулял по свежему воздуху. Вот и разморило видать.

«Какой странный сон», – подумал Он.

– Ты ужинал?

– Да, спасибо. Ты очень вкусно приготовил, – сказал Павел и перевернулся на другой бок.

Странно, Он этого не помнил.

— Ладно, спи. Я пойду поработаю — что-то на-
квакал по дороге через лес. Нужно послушать.

Павел, что-то пробурчал под нос и довольно
помокал. «Совсем ещё мальчишка», — подумал Он,
сел к компьютеру, надел наушники и включил дикто-
фон. На экране монитора появились первые строки:
«Земляники вкус, лета синева...»

ВСТРЕЧА

Она открыла дверь и вошла в квартиру. Вклю-
чила свет, бросила ключи на тумбочку. Одиночество
витало в воздухе... Уже два месяца, живя в этой квар-
тире и мучаясь, она была не в силах забыть его...

Он работал пожарным на одной из станций
МЧС, продолжая дело своего отца, который погиб
при тушении пожара на одном из заводов города.
Трагическое происшествие заставило замкнуться в
себе молодого парня, который оканчивал школу и
мечтал о карьере врача. Отец был для него всем в
жизни. Мама осталась лишь в воспоминаниях дет-
ства. Она умерла, когда он был ещё совсем малень-
ким. Всё воспитание на себя взял отец, так больше и
не нашедший свою вторую половинку в этом мире.
Её заменила работа, которая стала заслонять мысли
о невосполнимой утрате...

Друзья отца взялись опекать парня. И он, по-
стоянно общаясь с ними, увидел своё будущее в этой
работе...

Она зашла в комнату и опустилась на диван.
Почему так недолговечно счастье в её судьбе? Ведь,
по сути, они и встретились, как два одиночества, ре-
шив, что никогда не расстанутся. Она тоже похоро-

нила мать, занимаясь на третьем курсе университета. Отца она не помнила.

И сейчас опять одиночество разделило их. Но он был Там, а она Здесь...

Они мечтали, что у них будет двое – мальчик и девочка. Третий – лишний, думали они, а воспитать и вырастить двоих будет проще и в материальном плане и чтобы никто не испытывал недостатка любви.

Не удалось. Первая беременность закончилась выкидышем, и они ждали разрешения врачей попробовать во второй раз. Они верили, что всё будет хорошо. А пока она дарила свою невостребованную материнскую любовь ученикам, так как избрала профессию учителя и работала в одной из школ города. Дети просто души в ней не чаяли...

Он погиб как-то нелепо. Пожар был уже потушен, и, со слов его коллег, он повернулся назад, так и не успев объяснить никому, что потянуло его в это сгоревшее помещение. «Он будто услышал что-то», – сказал ей его приятель.

Под завалом оказался баллон с газом. Взрыв был роковым...

Следующий день был выходной, и она решила выпить, чтобы хоть немного поспать. Она включила торшер и достала из бара бутылку виски – подарок подруги на годовщину свадьбы. Кто мог тогда предположить, что пить этот напиток придётся вдвоём с одиночеством?..

Взгляд скользнул по календарю – шестьдесят четвёртый день без него – и упал на коробку свечей, которую они собирались зажечь на Рождественском столе. Этот вечер будет его. Со свечами и памятью. Рука сама собой начала расставлять свечи в форме сердца. Налив в стакан виски, она прикурила дрожащей рукой сигарету и подняла стакан. Тень от

руки коснулась угла её портрета, который был нарисован им.

— Я пью с тобой, мой любимый, — прозвучало в тишину комнаты.

Виски на секунду перехватил дыхание... Она налила себе в стакан ещё и пыталась поставить бутылку, но та выскользнула из руки и упала в рисунок свечей. Виски вспыхнул. Она зачарованно смотрела на пламя. Всполохи огня начали рисовать ей картину последней счастливой ночи.

«Бог мой, — подумала она, — это ведь его губы... Как я люблю тебя... как мне тебя не хватает...»

В комнате становилось всё удушливее, но она не чувствовала ничего, кроме ласковых прикосновений... Дрожь пробежала по телу...

«Милая, это не огонь — это я», — пронеслось в её сознании...

Приехавшие пожарные не застали в живых никого. От обитательницы квартиры остался только силуэт на ковре.

Он забрал её с собой, в мир вечного вселенского счастья.

В
ГОСТИЯХ
у
МУЗЫ

УХОДЯ ЗА ГОРИЗОНТ

Вновь улетит за горизонт судьба,
Вся окунувшись в сумерек прохладу.
Я взгляд свой устремляю в те года,
В которых страсть несёт за чувства плату.

Весна для всех – влюблённости сезон,
Не помню, был ли в ней, иль не был.
Ещё оставаться – вряд ли есть резон,
Воспоминаний груз – там быль и небыль.

У синих куполов, что в звёздах золотых,
В густом тумане городских окраин,
Сусальний блеск на фоне черноты
Рисует нам сюжет, в нём Авель есть и Каин.

И корабли дорожками Луны
Плынут, трудясь бессменно одиноко.
И город в лицах, окунувшись в сны,
Улыбку ловит от звезды далёкой.

И утром мысль слетает с небосвода.
И лёгкий хмель как звук тревожных нот
Возносит нас в страну, где есть свобода,
Слезою уходя за горизонт.

ТАМ

А я устал от странных рук,
У седины прошу покой.
И танго траурных разлук
Стремится на песок волной.

Поющий эльфов добрый лук
В руках Амура при луне.
Я чаще слышу сердца стук,
Твоё дыханье – страх во мне.

И жизнь моя не в облаках.
Бокалов звон с вином разлук.
За счастье тост в твоих глазах,
И в два глотка – стихает звук.

И в казино я весь в долгах,
Но верю в чудеса, мой друг.
И в заграничных кабаках
Есть ласка губ, чужих мне рук.

ШАГ

Я не хочу распущенno заказывать,
Ведь тех, кто пал, Господь силён поднять,
Весенние истории рассказывать,
Чтоб снова горьких капель не ронять.

Я не хочу сомнений рой пушистый
Зарыть под куст сирени в жаркий день,
Когда своим журчанием волнистым
Прощается с весной лесной ручей.

Когда томительно движенье неба,
И слепок мыслей в белизне листа
Сорвёт печаль аплодисмента Феба,
Как резкий звук поющего кнута.

Я не хочу сомнительное слово,
Расстёгивая поводок пускать,
Глаза закрыв сознанием сурово,
Ошибки Мельпомены повторять.

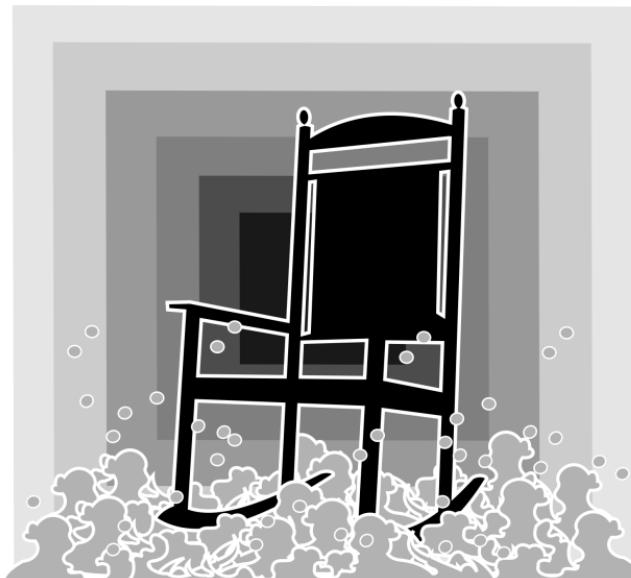
Я промолчу, но только своим взглядом.
Язык – ведь без костей, что за напасть.
Изюминкой любви, слезинка рядом
Отметит место, где нельзя упасть.

ПОКОЙ

Давно уж высохли чернила.
Перо как грустный раритет.
Камин погас... Когда то было? –
Торжествовал в ночи поэт.

Изгиб ладони в каждом жесте.
Удастся ли? – Лечу вперёд.
И с Музой-родственницей вместе
Я продолжаю свой полёт.

И строгий взгляд на лобном месте
Во сне с дрожащею рукой.
Ты засыпаешь в старом кресле
И видишь волны и прибой.

РАЗГОВОР

Прошли года, осталось только ждать.
Уносит недоверье сердца осень.
Я как художник кисти должен брать
И рисовать верхушки стройных сосен.

Так что, вся жизнь лишь серость и тоска?
Где радости? Где встречи и друзья?
Быть может, смерть внезапная близка?
Ответь мне, время – преданный судья!

«Но, наши дети все ложатся спать.
И просыпаться поутру не любят.
Ты будешь помнить дольше, чем дышать.
Надеюсь, солнца луч тебя разбудит?

Быть может, стоит что-то поискать?
Ведь молодость – тоска и скука губят.
Заканчивай осколки собирать.
Тех не люблю, которые не любят!»

Я крикнул: хватит! Надоело ждать!
Ходить по пустырям и слушать осень.
Захлопнув дверь, жизнь заново начать.
С размаху краски я швыряю оземь.

ПОЛЮСА ЛЮБВИ

Нас разметал холодный ветер по углам.
На разных полюсах живёт любовь.
Моя – на Северном, с метелью пополам.
Твоя – на Южном, ласку ищет вновь.

Пусть снежные равнины нам близки.
Мороз в душе нам пишет белой пылью.
Мы замерзаем от своей тоски,
И лёд все чувства покрывает былью.

И нам не сблизить эти полюса,
Ослепли мы от ревности незрячей.
С тобой уходит жизни полоса.
Со мной всё проще – я могу иначе.

И мы с тобою в слове – никогда!
И в сердце смерть бездомной флейтой плачет.
Мой голос – тайной струн из серебра,
Внимает ангелу, что на лошадке детской скачет.

ПРОЩАНИЕ

...О разлуке ревут по ночам паровозы.
Алексей Эйснер

О разлуке кричат по ночам паровозы.
Я любви покровитель, дарящий цветы.
Умирают в руках парниковые розы,
Сладкий вздох на подушке, осколком мечты.

Говоришь мне слова, говоришь о любви,
И душа окрыляется в нежном участье.
А наутро, когда солнце встало вдали, –
День рождения в слезах – незавидное счастье.

Мы утонем в бездушном слепом забытии,
Но исправен отбор – не бывает случайных.
Канут в прошлость сомнения тайных причин,
Сколько прожитых встреч,
сколько взглядов прощальных.

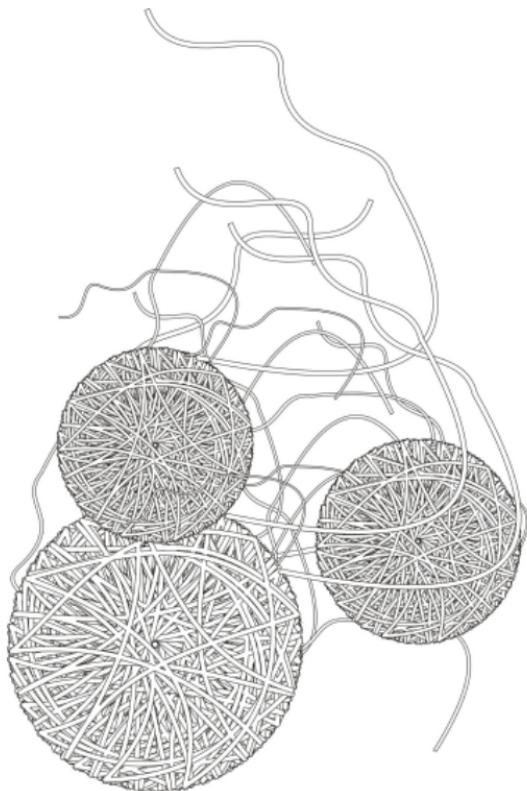
В хмеле трав и бездонье озёрных глубин,
Как кому повезёт, кто куда угадает?
Только ты к этим тайнам причастен один.
Маску смерти беда на живых примеряет.

Но сейчас, отвергая тех слов смысл печальный,
Две фигуры, как тени, у края скамьи
Понимают, что вальс у них будет прощальный
В эту летнюю ночь, когда спят соловьи.

ЭЛЕГИЯ

Однажды подарив свободу нам,
Жизнь расставляет сети-невидимки.
Трамваи проползают сквозь туман.
Забыты и заезжены пластинки.

Души пустоты книги заполняют,
И фотографии хранят о жизни память.
Стучат часы, и время убывает,
А над могилами родных кружиться замята.

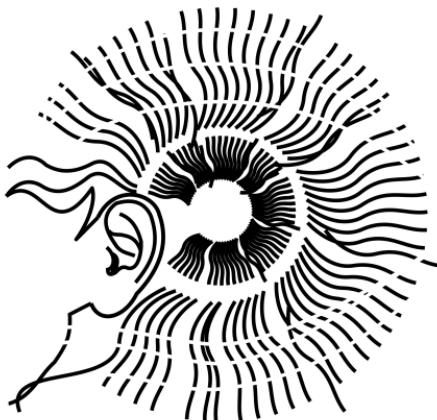
КОЛЫБЕЛЬНАЯ

*Человек, ребёнком выросший в одиночестве,
умирает – также в одиночестве...*

Пускай тебе приснится счастье,
В обычной радостной игре.
Ты, в ней смеясь, прими участие.
И как в волшебном фонаре
Иль в Алладина лампе – тайна.
Я по бумаге в странном сне
Блуждаю в поисках дизайна,
По этой сказочной стране.

Ведь бабушка читала сказки
Про даль и принца на коне,
В том доме, где так много ласки...
Приходит память лишь во сне.

А жизнь идёт меняя маски,
Люблю читать я в тишине.
Давно уже не верю в сказки,
И мысли спать мешают мне.

С МУЗЫ ПО КАПЛЕ

* * *

У весны разрешения нынче не просят.
Попроси ощущений, чтоб была тревога.
Попроси в сентябре себе новую осень.
Попроси эти капельки просто у Бога!

* * *

Я мечтаю на крыльях свободы
Улететь от мучений и бед,
Прочь из клетки в небесные своды,
С пением птиц я встречаю рассвет.

* * *

Звёзды нам вернут мгновенья
Сердцем отлюбивших лет.
И не будет повторенья.
Любят? Счастлива? Привет!

* * *

В белом танго со мною танцует весна.
Радость нашей любви вознеслась к небесам.
На свободу и к свету стремится она...
Разложу я все рифмы по новым слогам.

* * *

Когда грустишь, то не пиши стихов,
Иначе будет грустный дождь из слов.

* * *

Играем жизнь. Сценарий пишет Автор.
У классика в кармане роли место.
Простите, я сегодня без метафор,
Но жизнь – игра, а это так нечестно!

* * *

Который день опять без рифм.
Ты, Муза, где сейчас паришь?
Быть может, в окруженыи нимф
Мелькает под тобой Париж?..

* * *

Пусть доброта, не познанная дном,
Затронет Вас своим крылом.
Пусть боль души – лишь пыль в глаза.
Ну, кто ещё там что сказал?

* * *

В наш последний в этой жизни ужин
Я воскрес с огнём седьмой свечи.
Мы меняем облики снаружи
И берём у времени ключи.

* * *

Холодная постель – смеётся пустота.
Болезнь пришла задолго до похмелья.
И одиночество – с надеждой суета
В круговороте общего веселья.

* * *

Я нарисую звёзды у себя на потолке.
Раскрою окна, чтобы вошёл рассвет.
Иллюзия иллюзии в бесшумной темноте,
В ней четверть века твоих писем нет.

* * *

Тихо умирают свечи.
Разгораются дрова в камине.
Опустились незаметно плечи
Старостью, как раньше и отныне.

* * *

Слеза собьёт мечты воздушный шарик,
И снова станет важным слово – жить.
Китайский сделав из него фонарик,
Летящих лет пройду пустые этажи.

* * *

Хотя не вижу смысла говорить о смерти,
В ней страшный и прекрасно странный миг,
Над непрступной синевой небесной тверди
Я стану летописцем, павшим среди книг.

* * *

И в нежных майсах Иерусалима
Доплачет небо утренней росой.
И грусть растает с уходящим дымом
В ладонях пальм под солнечной косой.

* * *

Всё пройдёт, забудется, как детство.
Распугает птиц тревожный парк.
Всё теперь одно – погоня, бегство.
К небу облака прилипли просто так.

* * *

Искусство просвещённых дилетантов.
Творцов соломенная стать.
Учиться мастерству других талантов –
Желание звенит – не удержать.

* * *

И сохраняя расстоянье губ
На уровне невидимой улыбки.
Мой взгляд бывает часто слишком груб,
Чтоб не было опять ошибки.

* * *

Я один – не могу.
Не один – устаю.
А один берегу
Одиночество. Сплю.

* * *

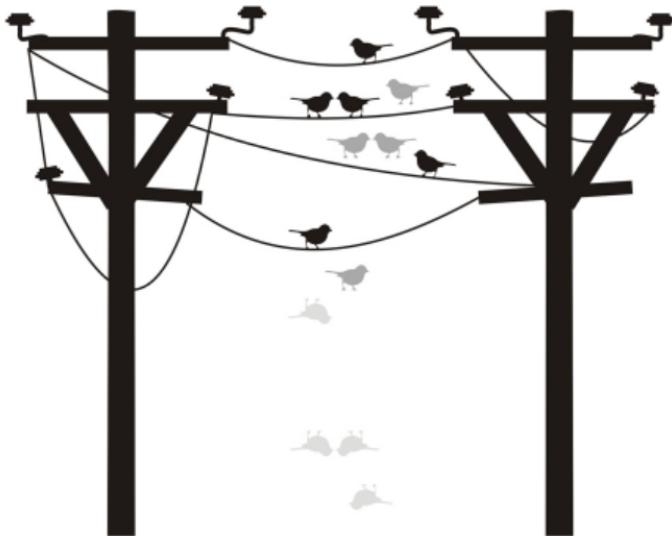
Мили при жизни
И мели в конце.
Все мои мысли
Тонут в свинце.

* * *

Я в ностальгию убегу снегов,
И тень скользит за мной, смеясь,
Но покоряясь воле облаков,
Она не даст душе земную страсть.

* * *

А осень с зеленью сегодня не в ладах –
Неповторимой формой заняла полсвета
На разных языках и в разных городах.
И на ладонях у любви лежит планета.

СОДЕРЖАНИЕ

Мой стеклянный дом (песня)	4
От автора	6
От издателя	6
Кювет (повесть)	7
Форс-мажор...	8
Карусель	23
Богатые тоже платят...	36
Апогей	45
Трест лопнул. Да здравствует трест!	57
Дорога к счастью?..	72
Ступеньки белых мыслей	77
Бег	78
Из воспоминаний мальчика	79
Театр	80
Градация	81
Гамлет	82
Время	83
Вокзал	84
Ты – мне – нра.....	85
Авария	86
Уходя от рифм	87
Акварель	88
Графо-мань	89
Звонок	90
Читая Булгакова на ночь	91
Стрелки	92
Реальность	93
* * * Дождь смывает грязь с домов и улиц...	94
Февральский дождь	95
Тишина	96

Море	97
Март	98
Просто быть...	98
Грусть	99
Фотография	100
* * * Друг за час, и вдали от глаз...	100
Слёзы	101
Рисуем фломастерами	101
И.....	102
Жизнь	103
Аз – Бука Ворчания	104
Одноклассникам	106
С мысли по слову	108
Во снах	109
Встреча	112
 В гостях у Музы	 115
Уходя за горизонт	116
Там	117
Шаг	118
Покой	119
Разговор	120
Полюса любви	121
Прощание	122
Элегия	123
Колыбельная	124
С Музы по капле	125

P.S.:

Данная книга есть не что иное как содружество автора и художника. Именно поэтому они хотели бы расширить круг своего общения, преследуя благородные цели.

Их адреса:

Голушко Павел Михайлович – pmgolushko@gmail.com
Монич Александр Владимирович – fonmonich@gmail.com

Литературно-художественное издание

ГОЛУШКО Павел Михайлович

УХОДЯ ЗА ГОРИЗОНТ

Стихи, проза

Ответственный за выпуск *А.Г. Печенко*

Редактор *В.П. Потапов*

Нотография *М.В. Ковальчук*

Подписано в печать 10.10.2010г. Формат 84x108/32.

Бумага офсетная. Гарнитура Palatino Linotype.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 6,93. Уч.-изд. л. 6,21.

Тираж 99 экз. Заказ №187.

Издатель Печенко А.Г., ЛИ № 02330/0552983 от

31.07.2006 г., 220104, г.Минск, ул.П.Глебки, 84-203

тел. +375 29 605 79 82, +375 25 900 27 49

E-mail: pechenko_a@mail.ru

Отпечатано на настольно-издательской системе Canon